Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Автор:
Дмитрий Емец

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Дмитрий Александрович Емец

Таня Гроттер #3

Гром сотрясает магическую школу Тибидохс. Молнии бьют в одну точку – в каменную кладку у крыши Большой Башни. А в заброшенной сторожке у болота Таня Гроттер обнаруживает забытое пророчество Древнира. Если будет выпушен древний дух, Золотая Пиявка заползет в магический огонь и лопнет веревка в грифе контрабаса, время повернет вспять, ожившие языческие истуканы пойдут войной на Черепаху Вечности и рухнут Жуткие Ворота! Предсказанные события начинают сбываться одно за другим… И все это во время чемпионата мира по драконболу, в котором сборной Тибидохса предстоит сразиться с командой невидимок, где блистает неподражаемый Гурий Пуппер!

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Краткий справочник магических заклинаний

Печатается с любезного разрешения

пожизненно-посмертного главы Тибидохса,

лауреата премии Волшебных Подтяжек,

акад. Сарданапала Черноморова

Искрис фронтис– боевая искра белого мага.

Пундус храпундус– усыпляющее заклинание. Снимается с рассветом.

Первачус барабанус – для просушки мокрой одежды.

Топтакли-лягакли – «пинательное» заклинание. Нельзя отменить.

Болеус обуздатус – заклинание против боли.

Паранойус крышус срывание! Маразматут кульминационит! – малополезная комбинация духоотгоняющих заклинаний.

Полниссимо дебилиссимо! Склеротикус маразматикус! – заклинания стирания памяти.

Туманус проишыгус – заклинание взломщика (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Дрыгус-брыгус – заклинание против простейшей нежити, Черных Штор, полтергейстов и привидений.

Караваждис феокссирис! – заклинание против Короля Привидений (один раз в год).

Грааль Гардарика – заклинание перехода из мира лопухоидов в мир магов. Действует в одной точке над островом Буяном.

Ливодис-курекус – снимает куриный сглаз.

Линузус очкустус – заклинание невидимости, слабенькое и довольно бестолковое. Не распространяется на волосы и одежду.

Кондовус руализмус – заклинание, иногда блокирующее темную магию (силой не более одной искры).

Зажималлус втюрис – «обнимальное» заклинание. Без комментариев.

Панидис паленус – не всегда же зажигать огонь с помощью спичек?

Трыгус шипелус – гасит пламя.

Хап-цап – перемещение предметов на малые и средние расстояния. Без особой необходимости не использовать. Не исключено, что перенесенный предмет окажется разбитым вдребезги.

Квасис грасис отыскатис – отыскивающее заклинание.

Голодронус голодрыгус – вызывает острое чувство голода.

Чукара курачукара – «заклинание зубрил». Полезно при подготовке уроков. На экзаменах и контрольных блокируется преподавателями (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Бантикус трибантикус – простенькое заклинание лентяев. Завязывает шнурки. Внимание! Если шнурков на обуви не окажется, будут завязаны пальцы ног!

Чистус трубачистус – ещё одно заклинание лентяев. Умывание и чистка зубов. При наличии во рту жвачки возможен взрыв.

Бумазейкус выползанус – для дистанционного перемещения бумажек.

Пробкис вырубонис – «уходя, гасите свет»

Фурыллис эббус труфус бонирайис аппедицитус болотомус – роковой сглаз (сокращенная форма).

Дуллис нуллис – контрзаклинание при наложении рокового сглаза (только в течение пяти минут после наложения сглаза).

Гряллиум пуллиум – заклинание хаоса (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Капут тынетут – заклинание, отделяющее душу от тела (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Гыгли мыгли карадыгли – наложение сглаза (черномагическое средней силы).

Фебрытбь – «антиикательная» магия.

Штушус коротышус – от рези в животе.

Кызютбампль шуму – от «лягушачьего» сглаза (применить не позже первого позеленения!)

Мотис-ботис-обормотис – против болотных хмырей. На другие виды нежити не действует.

ПОЛЕТНЫЕ

Торопыгус угорелус – самое стремительное и опасное.

Тикалус плетутс – среднее.

Пилотус камикадзис – медленное, но наиболее грузоподъемное. В равной степени подходит для слонов и недотеп.

Ойойойс шмякис брякис – подстраховочное.

Чебурыхнус парашютис – тормозящее.

Чебурыхнус парашютис форте – ускоренное тормозящее для экстренной посадки.

«ЗАГОВОРЕННЫЙ ПАС»

Гуллис-дуллис – Цап-царапс (блок).

Труллис-запуллис – Леос-зафиндилеос (блок).

Фигус-зацапус – Щупс-курощупс (блок).

ПРИЗОВЫЕ ОЧКИ В ДРАКОНБОЛЕ

Пламягасительный мяч – 3

Одурительный – 1

Перцовый-5

Чихательный – 2

Обездвиживающий – 10

Глава 1

ДУРНЕВЫ И ГОВОРЯЩИЕ ОБЛОМКИ

Самый добрый депутат Герман Дурнев, руководитель фирмы «Носки сэконд-хенд» и председатель комиссии «Сердечная помощь детям, пенсионерам и инвалидам», стоял перед большим зеркалом в прихожей и придирчиво поправлял галстук на своей тощей шее с выступающим кадыком. Его длинное лицо со впалыми щеками слегка отдавало могильной зеленью, а глазные зубы выступали чуть сильнее, чем принято у добропорядочных лопухоидов. Такая необычная внешность досталась дяде Герману по наследству от его дальнего родственника графа Дракулы, о родстве с которым Дурнев, впрочем, и не догадывался.

– Нинель! Ты здесь? – крикнул дядя Герман. Никто не отозвался. Самый добрый депутат беспокойно заворочал шеей и завопил ещё громче:

– Нинель! Ты меня слышишь? Нинель! Принеси мне другой галстук! Этот синий меня полнит!

Раздались глухие, сотрясающие дом шаги, будто по коридору вели коня-тяжеловоза, и из комнаты, задевая грузными боками стены, неторопливо выплыла тетя Нинель. Супруга дяди Германа была такой толстой, что из неё можно было выкроить троих таких, как её муж, а из остатка ещё вылепился бы небольшой болотный хмырь.

– Пупсик, не выдумывай! Синий галстук тебе очень идет! – успокаивающе проворковала тетя Нинель, ласково опуская руки на плечи мужу. Дядя Герман пошатнулся и просел чуть ли не до самого пола.

– Нет, не идет, не идет, не идет! Я в нем весь какой-то оплывший! – Самый добрый депутат надул губы и топнул ножкой.

Тетя Нинель хотела съязвить, что жира у её мужа меньше, чем у мумии, но раздумала. Спорить с дядей Германом было так же бесполезно, как обучать осла принципам стихосложения или удерживать тронувшийся автобус за выхлопную трубу.

– Хорошо, дорогой, я принесу тебе твой любимый сиреневый галстук в ржавый цветочек! Только, умоляю, успокойся! – согласилась тетя Нинель и направилась в спальню.

Под ногами у нее, злобно кашляя и повисая на задниках тапок, вертелась такса Полтора Километра, Раньше Полтора Километра кусала и дядю Германа, но с тех пор, как он побывал кроликом Сюсюкалкой, держалась от него подальше, помня про его мощные «задние лапы».

В поисках галстука тетя Нинель открыла шкаф, а ещё через мгновение дядя Герман нервно подпрыгнул на месте, напуганный её изумленным возгласом. Вбежав в комнату, самый добрый депутат узрел, что его жена, зажав себе рот ладонью, застыла у дверцы.

– Нинеличка, что случилось?

– М-м-м! М-там! – в ужасе промычала тетя Нинель.

Дядя Герман без особенной отваги заглянул в шкаф. Вещи были изжеваны и залиты липкой слизью. Слизь капала и с его нового черного пиджака, и с вечернего платья его супруги. Исходящий от них запах был столь омерзителен, что дядя Герман мигом сообразил, почему его жена держит ладонь у рта.

– Ничего не понимаю… Я же десять минут назад брал отсюда рубашку, и все было в порядке! И собака не могла, изгрызть – она так высоко не достанет! – морщась, произнес депутат. – Ничего не пропало?

Тетя Нинель скользнула взглядом по полкам. Прикасаться к вещам руками она брезговала.

– Нет, ничего. Все на месте… Хотя… да, точно, нет свитера! Он же лежал вот тут, внизу!

– Какого ещё свитера?

– Свитера Таньки Гроттер, который она носила дома! И кто мог позариться на такое старье? Им же даже пол вымыть и то противно! Дура я, почему сразу его не выбросила? – простонала тетя Нинель.

Дядя Герман подогнул в коленках ножки и убито рухнул на диван. Нет, на заурядную кражу это никак не походило. Тем более что никакой самый ловкий

вор не сумел бы проникнуть в квартиру через закрытые двери и застекленную лоджию да ещё в присутствии хозяев!

– Опять эта мерзкая Гроттерша! Это все она! Она! И зачем мы взяли её тогда в дом? Ее надо было отправить в колонию ещё во младенчестве! Нет, отвезти в тюрьму прямо из роддома! – простонал самый добрый депутат.

Дурневу даже в голову не приходило, что свитер мог похитить кто-нибудь, кроме самой Тани, хотя даже эта отвратительная, по его мнению, девчонка едва ли стала бы жевать при этом вещи самого дяди Германа.

– Хорошо, что Пипочка теперь отдыхает в лагере на море! Мы хотя бы смогли оградить её от этого ужаса! – страдальчески произнесла тетя Нинель.

* * *

Вскоре, облачившись в один из чудом уцелевших костюмов, который ему пришлось выуживать из шкафа с помощью швабры, дядя Герман уехал в Думу.

Его одежда, руки и волосы распространяли резкий запах одеколона, которым Дурнев надушился, чтобы заглушить тошнотворную вонь слизи.

Тетя Нинель вызвала домработницу, у которой был выходной, и решительно взялась за уборку. Надев на лица марлевые повязки, женщины извлекли из шкафа все вещи и отослали их в химчистку. Это была та самая химчистка, сотрудники которой до сих пор заикались после знакомства с Черными Шторами, которые они пытались избавить от многовековой магической пыли. Вот и теперь, едва домработница внесла огромные мешки с вонючими вещами, приемщица упала в обморок, а заведующий заперся у себя в кабинете, взвешивая, не сдаться ли ему добровольно в психиатрическую лечебницу.

Тем временем тетя Нинель отправилась на застекленную лоджию, где некогда с весны и до поздней осени жила Таня, и произвела там тщательный обыск.

– Давно пора было вышвырнуть хламье этой девчонки! Все до последней заколки! – бормотала она, швыряя в ведро все, что могло ещё напоминать о сироте.

В мусор отправился и изрезанный пенал Тани (особое мерси Нине), и акварельные краски, и школьные тетради, и подставка для книг, и все прочие вещи, обнаруженные в деревянном шкафу лоджии. Тетя Нинель избавлялась от них с методичной тщательностью, не снимая при этом с рук толстых резиновых перчаток.

– Хватит с нас сюрпризов! Все в помойку! Все! – повторяла она, разрывая в клочья школьный дневник Тани и яростно утрамбовывая смятую бумагу в ведре.

Когда очередь дошла до портфеля – совершенно кошмарного портфеля, который редко встретишь и у первоклассника, – из его бокового отделения внезапно вывалилась обугленная деревяшка, на которой видны ещё были остатки лака.

– А это ещё что такое? Какая-то мерзкая палка! Понатаскала всякой дряни! – брезгливо скривилась тетя Нинель. Она не узнала в этом обломке старый смычок от контрабаса, вспыхнувший в руках у Тани во время полета.

Дурнева решительно сломала обугленную деревяшку о колено и швырнула её в ведро. Она уже прицелилась, чтобы отправить следом изношенные ботинки, как вдруг мусорное ведро задрожало, затряслось и… тетя Нинель услышала звонкий голос, разом заполнивший всю лоджию:

"Ой, мамочка моя бабуся! С вами снова я – неунывающий, всеми любимый и многих раздражающий комментатор Баб-Ягун! Играющий комментатор, кстати, что вдвойне ответственно! Если кто-то собирается меня сглазить – сразу забудьте об этом: меня подстраховывает Ягге. Кроме того, я выпросил у Зубодерихи её лучший отражающий амулет!

Я сижу на своем любимом пылесосике, заправленном превосходным мусором и русалочьей чешуей, и готовлюсь ко взлету. До начала матча «Тибидохс – Гандхарвы» осталось ещё несколько минут.

На острове Буяне – э-э… на какой ладони я написал шпаргалку? – замечательный июльский полдень. Солнце сияет, как начищенный медный таз, а со стороны океана дует освежающий ветерок. Ангары дрожат от драконьего рева. Из щелей валит густой черный дым, так знакомый всем истинным любителям драконбола. Пару раз вместе с дымом наружу, вопя, вырывались испарившиеся джинны.

Лично меня это не удивляет: драконов давно не кормили, чтобы они активнее охотились за нападающими противника.

Богатыри-вышибалы Усыня, Горыня и Дубыня сидят между трибунами и гневно мычат, когда им кто-то случайно наступает на ноги. Открою секрет этого мычания. Сегодня на всю троицу наложено немотное заклятие, чтобы она, как это уже случалось прежде, не оглушала зрителей своими воплями. Жаль, правда, что не существует заклинаний от рукоприкладства, иначе парочка циклопов, пытавшихся прорваться на матч без белого билета – клянусь вам, все защитные билеты белые! – не угодила бы в магпункт ещё до начала игры…"

Тетя Нинель, наконец, разобралась, откуда доносится голос. Она дико уставилась на говорящие палочки, пошатнулась и осела на пол так грузно, что едва не обрушила лоджию. Несчастная дочь Евы! Откуда ей было знать, что с волшебными предметами – даже с поломанными и на три четверти сожженными – нельзя обращаться так бесцеремонно? Теперь же оба обломка ловили магические радиоволны, а стенки ведра служили усиливающим звук рупором.

С каждой минутой голос из мусорного ведра становился все громче, все отчетливее. Он разносился уже не только по лоджии, но и по всей квартире Дурневых, проникая даже сквозь стену, к соседям. Там за стеной генерал Котлеткин начальственно постукивал по столу карандашиком и изучал прайс на бывшие в употреблении зубные щетки. Этот прайс вчера с тайной мыслью презентовал ему дядя Герман.

"Индийские гандхарвы считаются одними из фаворитов чемпионата мира по драконболу, – тараторил бойкий голос, – Говорят, когда-то они начинали как небесные музыканты, игравшие на пирах у древних богов. Однако после того, как древние боги вместе с духами хаоса были заключены в подвалы Тибидохса, гандхарвы остались не у дел и профессионально занялись драконболом. Им случалось разбивать даже бабаев, невидимок и лысегорских ведьм. Меня лично это не удивляет. Недаром эти полумаги-полуптицы большую часть жизни проводят в воздухе. На землю они спускаются лишь затем, чтобы вредить людям – так, во всяком случае, было до тех пор, пока Древнир не наложил запрет на любое магическое вмешательство в жизнь лопухоидов.

Для полета гандхарвам не нужны никакие магические предметы, хотя каждый и держит зачем-то в руках округлую трехструнную лютню. Многие подозревают, правда, пока это не доказано, что лютни используются ими для всяких

запрещенных приемчиков на поле. Во всяком случае, даже моя бабуся – болельщица с пятисотлетним стажем! – никогда не видела, чтобы гандхарвы расставались со своими лютнями.

Гандхарвы весьма упитанны. Мало у кого из них меньше трех подбородков, да и животики тоже ого-го! Это наводит на мысль, не перешли ли гандхарвы с нектара на пиво? Короткие малоподвижные крылья растут прямо из лопаток. Ноги напоминают лапы орла или грифа, Загнутые мощные когти вызывают уважение, хотя, говоря по правде, гандхарвы редко к ним прибегают. Чаще они используют стремительную распасовку в средней зоне с последующим прорывом к дракону противника.

Внимание! Пожизненно-посмертный глава Тибидохса академик Сарданапал Черноморов поднимается на судейскую трибуну. Болельщики рукоплещут. В прошлом месяце Сарданапал сменил на посту главного судьи персидского мага Тиштрю. По слухам, после неудачи команды бабаев, которым он явно подыгрывал, Тиштря слегка двинулся умом и слопал собственные уши. Правда, вскоре у него выросли новые, но спортивная коллегия при Магществе Продрыглых Магций не отменила своего решения.

Рядом с Сарданапалом идут Соловей О. Разбойник и тренер гандхарв Кашавара. Кашавара чувствует себя очень уверенно. То, что главный судья одновременно является главой Тибидохса, его ничуть не смущает. Среди магов Сарданапал известен своей принципиальностью. Наверняка к своей команде он будет даже строже, чем к нашим индийским гостям.

А теперь я спешу представить вам сборную Тибидохса, если, конечно, среди болельщиков существуют ещё такие, кто с ней не знаком. Номер первый – Жора Жикин, полузащита. Магический инструмент-швабра с пропеллером. Не правда ли, красавчик? Разумеется, я говорю не о пропеллере… Добрая треть болельщиц пришла на матч, только чтобы поглазеть на нашего Жору. К сожалению – хи-хи! – любоваться им придется недолго. Жикин обычно выбывает в первые же полчаса, так как его шваброй управлять даже сложнее, чем метлой. Зато, если кто-то из команды противника попадет под пропеллер, голодный Гоярын сможет подкрепиться отличным фаршем!

Номер второй – Демьян Горьянов, темное отделение Тибидохса. Пылесос «Буран – 100У». Должен признать, это неплохая машина с турбонаддувом и хромированной трубой, однако до моего пылесоса ей далеко. К тому же

Горьянов никогда не чистит уши, что крайне усложняет его ориентирование в воздухе…"

– ЯГУН! Немедленно заглохни, или я… – завопил кто-то страшным голосом. Сразу после этого раздался свист и глухой шлепок.

Тетя Нинель вздрогнула и на всякий случай втянула голову в плечи, хотя лично на неё явно никто не покушался.

– Только что вы наблюдали попытку протаранить играющего комментатора пылесосом «Буран-100У». Жалкую, коварную и ничтожную попытку, как я спешу добавить! – будто ничего не случилось, продолжал Баб-Ягун. – Я всегда со свойственной мне прозорливостью утверждал: этой мощной машине не хватает маневренности и она отвратительно тормозит. В настоящее время Демьяна аккуратненько выкапывают из песочка и снова водружают на пылесос. Уверен, этот пустяковый инцидент никак не скажется на его дальнейшей игре. Чтобы получить сотрясение мозга, надо – хе-хе! – иметь предмет сотрясения.

Номер третий – Катя Лоткова, защита. Пылесосик «Грязюкс», увешанный симпатичными талисманчиками и прикольными фенечками. Наконец-таки Лоткова избавилась от своих темных очков, и Зубодериха, кстати, тоже! Ура! Это означает, что Сарданапалу и Медузии удалось снять крайне неприятный вирусный сглаз, заставлявший их зрачки светиться!

Семь-Пень-Дыр, номер четвертый, отличный нападающий и отличный товарищ. Правда, под горячую руку может превратить в выдру, но тут уж ничего не попишешь.

Номер пятый. С гордостью представляю Риту Шито-Крыто и её гитару с прицепом модели «Тузик-реактив». Да, инструмент необычный, согласен. Я вижу, болельщики гандхарв насмешливо переглядываются, но это вы напрасно, уважаемые полуиндюш… полуптицы! Между прочим, нашу Риту называют самым непредсказуемым игроком сборной Тибидохса. Даже Соловей О. Разбойник не знает, что она учудит в следующий момент.

Номер шестой – полузащитник Кузя Тузиков на своем неизменном реактивном венике. Посмотрите, как вибрирует его веник – так и рвется в бой. Говорят, зарубежные маги недавно предлагали дать за него три любые метлы, но наши

гордо отказали: ведь их метлы промышленного заговора, а наш веник – самородок! Кстати, начинал он как самый обычный веник в самом обычном доме у лопухоидов. Подметал он просто кошмарно и очень раздражал хозяев. К тому же вдруг обнаружились его исключительные способности к скоростному перемещению. Напуганные лопухоиды выбросили его на помойку, откуда веник, пристроившись к утиной стае, совершил самостоятельный перелет в Тибидохс. Отличный пример того, как, имея талант, можно сделать карьеру!

А теперь внимание! Замена в команде Тибидохса. Вместо номера седьмого, кстати, капитана сборной Юры Идиотсюдова, играет Гробыня Склепова, новая находка тренера Соловья О. Разбойника! Сам Идиотсюдов получил серьезную травму и теперь находится в магпункте. Никогда не стоит дразнить дракона, даже если это всего лишь Ртутный. Гробыня выступает на пылесосике модели «Свин-спортаж». Автоматическая коробка передач, выдвижная труба, заправка русалочьей чешуей, перхотью барабашек либо сброшенными змеиными кожами. Посмотрите, как мило «Свин-спортаж» украшен венками и берцовыми костями! Интересно, зачем? Обычный черный юмор или она собирается метать кости в игроков противника? Мысль свежая, да только едва ли их этим напугаешь. К сведению Гробыни, гандхарвы питаются отнюдь не урюком.

Номер восьмой… кхм… Баб-Ягун, играющий комментатор. Я бы ещё добавил «великолепно играющий», но расхваливать себя – это уже мелочно. Должно же у вас быть какое-то занятие во время матча? Не забывайте только направлять на меня свои бинокли.

Номер девятый – Лиза Зализина, пикирующие часы с кукушкой. Самое необъяснимое, что летают почему-то именно часы, кукушка же только клюется, правда, прицельно…

Баб-Ягун перевел дыхание и, выдержав паузу, загрохотал вдвое громче:

– И наконец, номер десятый! Королева полета! Гордость Тибидохса! Отважная победительница бабаев и Той-Кого-Нет! Хозяйка роскошного магического контрабаса работы её прадеда Феофила! Я весь трясусь от волнения, произнося это имя! Татьяна Гроттер!!!

Стадион взорвался рукоплесканиями. Тетя Нинель, жадно прислушивающаяся к спортивному репортажу, льющемуся из мусорного ведра, вначале посерела,

затем побагровела и внезапно издала такой оглушительный вопль, что стекло на лоджии треснуло. Генерал-снабженец Котлеткин в соседней квартире рухнул со стула и ушиб копчик.

– Гроттер! Опять Таня Гроттер! Всюду она, я вас умоляю! Пристрелите меня, чтоб я не мучилась! – заголосила Дурнева.

Она выскочила на лестницу и, трусливо озираясь, опрокинула ведро в мусоропровод. В шуме рукоплесканий, завывая: «Урра! Да здравствует Гроттер, номер десятый!», обломки смычка понеслись вниз по трубе вместе с другими вещами Тани.

Прижимая к груди пустое ведро, тетя Нинель вернулась в квартиру и, безумно улыбаясь кому-то неизвестному и, вероятно, невидимому, стала поспешно запираться на все замки и засовы. Лишь вставив в паз последнюю цепочку, эта ответственная женщина позволила себе сползти в глубокий обморок…

Глава 2

КОВАРНАЯ ЛЮТНЯ И ДЮЖИНА КОСТЕРОСТОК

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса академик Сарданапал Черноморов наконец сумел поймать свои шаловливые усы и завязать их на затылке узлом. Он молодецки подмигнул Медузии, встал и поднял руку, Несколько тысяч болельщиков замерли в ожидании. Две оранжевые сигнальные искры сорвались со старинного перстня повелителя духов, зависли над главным драконбольным стадионом острова Буяна и оглушительно лопнули.

Матч «Гандхарвы-Тибидохс» начался.

Таня поспешно произнесла «Торопыгус угорелус», взмахнула смычком и взлетела, как всегда с удовольствием ощутив упругое сопротивление воздуха, Струны контрабаса нетерпеливо гудели. Теплое дерево инструмента подрагивало, точно живое, Вот он, азарт, предвкушение ещё не начавшегося матча!

Справа и слева, сверху и снизу, пригнувшись к своим инструментам, несутся другие игроки сборной Тибидохса. Вот Ягун, тарахтя что-то в серебряный рупор, ловко перебрасывает из руки в руку трубу пылесоса. Вот красавица Катя Лоткова на «Грязюксе» поправляет талисманчики. Вот Жора Жикин трясется на чихающей швабре с пропеллером, попутно рисуясь перед поклонницами. Вот Гробыня, явно озабоченная тем, чтобы удержаться на «Свин-спортаже». А выше кто там? Ага, Лизка Зализина с обиженным лицом дует на палец и грозит кулаком клюнувшей её кукушке.

А впереди, то набирая высоту, то стремительно ныряя вниз, неотличимые друг от друга для непривычного глаза, уже мелькают гандхарвы. Некоторые из них, явно поддразнивая тибидохцев, с отрешенным видом тренькают на своих трехструнных лютнях, другие же парят, крыльями ловя встречные воздушные потоки. Их мощные когтистые лапы украшены длинными цветными лентами.

Ворота Северного ангара распахнулись. Вслед за клубами дыма и длинными языками пламени оттуда вырвался неприятельский дракон. Таня вгляделась в него, и ей сделалось не по себе. Более того, сразу стало понятно, почему гандхарвы так тщательно скрывали его и никого не пускали к нему в ангар.

С виду это был типичный восточный дракон – с золотистой чешуей, узким, гибким, как у змеи. туловищем, со множеством костяных пластин и сложных наростов на чешуе, длинными усами и туповатыми зубами, из которых устрашали, пожалуй, лишь четыре выступавших клыка. Когти у него были сильные, лапы мощные, но не сильнее и не мощнее, чем, скажем, у Тефтелета, дракона бабаев.

Нет, преимущество индийского дракона было не в этом. Быстрый, неукротимый, он перемещался над полем и обстреливал игроков Тибидохса длинными кинжальными языками пламени. А что это было за пламя, Таня осознала, когда раскаленная огненная струя, выпущенная с гигантского, по меркам драконбола, расстояния, внезапно опалила ей волосы и сухим жаром обожгла щеку.

ФШ-Ш-ШУХ!

Вскрикнув, малютка Гроттер взмахнула смычком и бросила свой контрабас в сторону. Хорошо, что пламя было на излете, да и упырья желчь, которой она предусмотрительно натерлась, спасла от серьезного ожога. И это в самом

начале матча, когда ещё даже мячи не были выпущены!

– Ох, мамочка моя бабуся! Что творится! – пораженно воскликнул Баб-Ягун. – Гандхарвы притащили с собой настоящий крылатый огнемет! Похоже, на поле вообще не осталось ни одного безопасного места. С начала матча не прошло и минуты, а Таня Гроттер уже получила досадный ожог! У Семь-Пень-Дыра расплавило трубу, а Кузя Тузиков вынужден был прибегнуть к помощи водяных, чтобы сбить пламя со своего реактивного веника! Теперь я понимаю, почему гандхарвы зовут своего дракона Плевуга! А я, дурак, ещё собирался смотреть в словаре! Когда же, наконец, выпустят мячи? Неужели Сарданапал хочет, чтобы его сборная превратилась в летающие шашлыки ещё до матча?

Услышав призыв Баб-Ягуна, академик перестал созерцать свою бороду и махнул рукой.

– Где мячи? Неужели без меня нельзя догадаться? – сердито крикнул он.

Два джинна-арбитра, с беспокойством косясь на голодных драконов, вынесли корзину и, сдернув с неё крышку, бросились наутек.

Пять магических мячей разного веса и цвета – пламягасительный, одурительный, перцовый, чихательный и обездвиживающий, – подчиняясь заложенной в них магии, взмыли в небо и с балетной грацией переевших шмелей разлетелись по всему полю.

Одновременно двадцать игроков – десять тибидохцев и десять гандхарв – устремились к мячам, спеша перехватить инициативу с первых же минут матча.

Драконы яростно заревели и, нахлестывая хвостами, выставляя вокруг дымовую завесу, поднялись под самый купол. Служа «воротами» во множестве матчей, они давно уже уяснили, что магические мячи доставляют одно беспокойство, особенно оказываясь в пасти. Вот проглотить парочку нападающих противника – совсем другое дело. Против этого голодные драконы ничего не имели.

– Отличное начало игры! – восторженно воскликнул Баб-Ягун. – Какая напряженная битва за мячи! Демьян Горьянов уже прижимает к груди одурительный мяч, который он перехватил из-под носа у нападающего гандхарв Мамарамы. Вот уж от кого не ожидал такой прыти! Умница, Демьян, я почему-то

был уверен, что тебе за мячик и подержаться не дадут!

А там что такое? Да это надо видеть! Семь-Пень-Дыр мчится за ускользающим перцовым мячом. Его преследуют по пятам сразу двое гандхарв – Рамапапа и Лукум-Рахит! Ох, мамочка моя бабуся, приснился бы вам этот Рахит, с кровати бы вы упали! Косая сажень в плечах, смятые борцовские уши и сломанный нос! Двести дистрофиков, спресованных в одного качка! Семь-Пень-Дыр буквально вцепляется в перцовый мяч, но Рамапапа грубо толкает его своей лютней. Нет, вы это видели: использовать древний инструмент как заурядную дубинку! Позор! Неужели Сарданапал не вмешается?.. Вмешался, свистит в свисток! Ура! Штрафной! Отличная возможность открыть счет!

Баб-Ягун торжествующе подскочил на своем турбопылесосе семисотой серии и, наклонив трубу, устремился к центру поля, где ему было лучше видно.

– Странно! Очень странно! – зазвучал оттуда его голос. – Я почему-то считал, что гандхарвы будут протестовать против штрафного! Ничего подобного! Не вступая в спор, они как-то слишком охотно ловят своего дракона Плевугу и особым заклинанием заставляют его открыть пасть.

Семь-Пень-Дыр готовится к штрафному броску с одиннадцати метров. Пень выглядит озадаченным. Похоже, догадывается, что тут что-то не чисто!.. Тем не менее он прицеливается и… Отличный удар! Пущенный верной рукой Семь-Пень-Дыра, мяч летит дракону точно в пасть, но Плевуга стремительно отклоняется и толкает его носом! Мяч отлетает прямо в руки полузащитнику Лакшаману, который передает его Мамараме…

Игра продолжается! Гандхарвы энергично атакуют Гоярына, наседая на него со всех сторон!.. Так вот в чем состоял их коварный замысел! Имея дракона, умеющего отбивать мячи носом, они могут, не опасаясь штрафных, позволить себе грубую игру! Гоярын встречает гандхарв плотным огнем и захлопывает пасть, не давая им забросить мяч. Жора Жикин и Катя Лоткова страхуют Гоярына сверху, не давая «птичкам» войти в «мертвую зону», где глаза дракона не смогут их разглядеть.

Пока гандхарвы, отвлекая защиту, кружили вокруг Гоярына, в противоположной части поля разворачивалась не менее острая борьба. Таня, щека которой все ещё пылала от боли, сражалась за обездвиживающий мяч с нападающим

гандхарв Фетюк-агой. В погоне за мячом Фетюк-ага выписывал в воздухе умопомрачительные бочки. Одновременно он целеустремленно пытался будто случайно хлестнуть Таню крыльями по глазам. Заставляя себя не отвечать на эту очевидную провокацию, Таня прижималась грудью к контрабасу и, вытянувшись стрелой, старалась выбрать момент и схватить ускользающий мяч.

– У малютки Гроттер хорошая выдержка! – одобрительно сказала доцент кафедры нежитеведения Медузия Горгонова, обращаясь к Тарараху.

Питекантроп гневно потряс огромной ручищей, до пальцев заросшей густым рыжеватым волосом.

– Да, она умница. Играет просто блеск! Но гандхарв надо как-то прищучить! Они перекалечат всех наших! Смотри, прямо по глазам хлещет! – крикнул он.

– Как их прищучишь? За это нарушение даже штрафного нельзя назначить. Удары крыльями не засчитываются за грубую игру. Сарданапалу даже придраться не к чему – внешне все по правилам, – удрученно сказала Медузия.

Тренер гандхарв Кашавара искоса взглянул на Горгонову и самодовольно похлопал себя по животу. Кажется, он отлично понимал по-русски, хотя и предпочитал прикидываться лопухом.

Заметив, что обездвиживающий мяч вильнул в воздухе, Таня стремительно развернулась и метнулась ему наперерез. Ей почти удалось схватить его, но тут Фетюк-ага, спикировав сверху, ударил её крылом по лицу. Девочка от неожиданности зажмурилась, спасая глаза, а когда вновь их открыла, мяч был уже у гандхарва, спешившего с ним к Гоярыну.

Возмущенная Таня взмахнула смычком и, набрав высоту, помчалась таранить Фетюк-агу контрабасом, но тут матч был внезапно приостановлен главным судьей. Кто-то из игроков противника, кажется, Лакшаман, вцепился в волосы Демьяну Горьянову, стараясь отобрать у него одурительный мяч.

– Еще один штрафной! Плевуга неохотно распахивает пасть, а гандхарвы, язвительно ухмыляясь, выстраиваются вокруг. Безусловно, они вновь надеются поймать отскок! – затараторил Баб-Ягун.

Демьян Горьянов заставил пылесос зависнуть в воздухе, зажмурил правый глаз, широко размахнулся и вложил все силы в бросок…

Тренер команды Тибидохса Соловей О.Разбойник застонал и схватился за голову. Трибуны захохотали. Да, такое увидишь нечасто!

– Какой удар! – на весь стадион воскликнул лопоухий внук Ягге. – Я имею в виду, что только наш обожаемый Горьянов мог бросить мяч так криво!.. Плевуга озадаченно захлопывает пасть, понимая, что уж где-где, а в ней мячу точно не оказаться. Одурительный снаряд описывает в воздухе дугу и – попадает прямо в нос нападающему гандхарв Мамараме.

ТРАХ-ТАРАРАХ!

Заключенная в мяче магия высвобождается и на миг окутывает нападающего сиреневым облаком! Мамарама начинает глупо хихикать и, аккомпанируя себе на лютне, бойко затягивает индийскую народную песню «Во поле чайный куст стоял!» Что ни говори, а одурительная магия, да ещё в драконьих дозах, – это вам не какая-нибудь чашка кофе натощак!

Подпевая товарищу, Лакшаман и Лукум-Рахит осторожно уводят развеселившегося Мамараму с поля. Гандхарв виснет на них и лезет обниматься. Играть в этом матче он явно больше не будет… Интересно, нам засчитают это как гол или нет? В конце концов, бросок был довольно результативен, хотя мяч и не попал в дракона… Что? Глазам своим не верю! Сарданапал назначает штрафной уже в «ворота» Тибидохса! А вот это уже безобразие! Ведь всякому ясно, что Горьянов подшиб Мамараму не по злому умыслу, а лишь вследствие врожденного косоглазия! И нечего на меня коситься, Демьян, я говорю правду и только правду! – кричал Баб-Ягун.

Пробивать штрафной Гоярыну приготовился Лакшаман. С чихательным мячом он выплыл на одиннадцатиметровый рубеж и стал дожидаться, пока Гоярын распахнет пасть. Когда это произошло, Лакшаман сделал быстрое обманное движение, дождался, пока тибидохский дракон попытается уклониться, и стремительно метнул мяч.

Пасть Гоярына ещё не захлопнулась, а мяч уже влетел в нее. Полыхнула лиловая вспышка.

– Гол! Гандхарвы зарабатывают два очка. Уступая действию магии, Гоярын начинает медленно надуваться, будто собирается… – затараторил Баб-Ягун.

Объяснять ничего не пришлось. Магический рупор заполнился страшным грохотом. Казалось, дрогнул даже массивный, похожий на каменную черепаху Тибидохс. Вздымая песок, по полю пронесся смерч.

– Ох, мамочка моя бабуся! Какой невероятный чих!.. Мгновение назад что-то стремительно пролетело мимо меня и врезалось в магический купол, отделяющий игровое поле от зрительских трибун. Интересно, кто эта живописная лепешка с перьями? Неужели Лакшаман? Вот оно – наказание за злорадство! На месте Лакшамана я не подлетал бы так близко, чтобы полюбоваться результатом своего броска!..

Несколько джиннов-санитаров стремятся как можно бережнее отлепить гандхарва от купола. Не ошибусь, если скажу, что ему потребуется длительный отдых в магпункте. Если бы гандхарвы не были бессмертными, финал мог бы стать ещё печальнее, – сообщил Баб-Ягун.

Игра продолжалась.

Гандхарвы лишились уже второго игрока, зато вели в счете. Семь-Пень-Дыр и Рита Шито-Крыто отсекли Фетюк-агу от Гоярына, но Фетюк-ага, ловко нырнув вниз, перебросил обездвиживающий мяч Лукум-Рахиту. Таня устремилась за Рахитом, одновременно случайно заметив, что Рамапапа и полузащитник Люлидури не принимают участия в игре, а что-то нашептывают своему дракону. Это показалось ей подозрительным, и она решила не спускать с дракона глаз.

Плевуга кругами поднялся под самый купол и, раскинув кожистые крылья, стал втягивать воздух, на глазах раздуваясь до невероятных размеров. Большая часть команды Тибидохса, вовлеченная в борьбу за оставшиеся мячи, не заметила этого странного маневра. Таня закричала, пытаясь предупредить хотя бы кого-то, но её голос снесло ветром, А ещё секунду спустя индийский дракон стал изрыгать короткие струи пламени, Это были даже не струи, а мощные и меткие огненные плевки. Один из них почти лизнул полировку её контрабаса, но Таня сумела увернуться. Зато другим повезло куда как меньше.

– Вы видели это внезапное и подлое нападение? Без предупреждения, без объявления огнеметания! – заволновался Баб-Ягун. – Гробыня Склепова получает серьезный ожог ноги. Не помогла даже упырья желчь. Бак её пылесоса пробит и с чадом выбрасывает русалочью чешую и перхоть барабашек. Неизвестно, сколько времени «Свин-спортаж» сможет продержаться без дозаправки.

Еще хуже обстоят дела у Кузи Тузикова. Его реактивный веник пылает, но Кузя героически отказывается воспользоваться платком-парашютом. Отважный Тузик-Кузик – тьфу ты… Кузик-Тузик… тьфу ты ещё раз… прости, Пузик-Кузик… я путаюсь от волнения… надеется сбить огонь встречным потоком воздуха. Бесполезно! От воздуха пламя только разгорается. Уже у самой земли Тузиков скатывается с веника и замирает на песке лицом вниз. К нему бросаются санитары, но Кузя поднимается сам. Кажется, ему удалось произнести ускоренное тормозящее заклинание «Чебурыхнус парашютис форте». Эй, эй, почему мой пылесос тормозит! Я не собирался выбрасывать искру! Я только воспроизвел, как это звучит!

Огненные плевки, ещё совсем недавно градом прошивавшие все драконбольное поле Тибидохса, наконец прекратились. Индийский дракон сдулся. Снизившись, он набирался сил для нового огнеметания.

Воспользовавшись этим, Жора Жикин и Рита Шито-Крыто попытались пробиться к Плевуге с пятиочковым перцовым мячом. Жикин легко обошел двух защитников гандхарв на своей скоростной швабре и стал не очень уверенно разворачиваться, уходя от удара драконьим хвостом.

Таня, страховавшая Жикина сверху, внезапно обратила внимание на то, что Фетюк-ага вдруг завис в воздухе и стал, ухмыляясь, тренькать на своей лютне. Пропеллер на Жориной швабре заработал с перебоями, а потом вдруг замер. Случалось, он глох и прежде, но не так внезапно. Жикин бестолково замахал руками и стал падать. Таня бросилась к нему, но её опередила Рита Шито-Крыто, которой Жора, повисая на платке-парашюте, перебросил перцовый мяч.

Не снижая скорости, Шито-Крыто погнала гитару с прицепом наперерез Плевуге. Пасть у индийского дракона была плотно закрыта, и Рита стала дразняще носиться у него перед носом, вызывая Плевугу на огнеметание. Это был риск, но риск оправданный. Другой возможности забросить мяч все равно не существовало.

Сообразив, что хвостом такую быструю цель не достать, Плевуга распахнул пасть и стал раздраженно втягивать воздух. Его маленькие глазки рассчитывали расстояние до цели, а сам дракон тем временем, казалось, прикидывал, что он больше любит: шашлык, гриль или бифштекс с кровью.

– Давай, Ритка, давай! Покажи им, где драконы ночуют! – азартно вопил Баб-Ягун, устремляясь к ним.

Трибуны забурлили. Гандхарвы-болельщики хлопали крыльями и производили оглушительный гомон, как сотни сварливых чаек. Ванька Валялкин, почти не жуя, торопливо заглатывал котлеты и соленые огурцы, сыпавшиеся из его скатерти-самобранки. Ванька всегда ел, когда переживал, а теперь он переживал просто чудовищно.

– Да что же это! Почему она не бросает! Бросай!

Азартный Тарарах подскакивал на месте и потрясал пудовыми кулаками, что очень не нравилось шипящим змеям, в которые незаметно от хозяйки превратились волосы Медузии.

Соловей О. Разбойник и тренер гандхарв Кашавара что-то кричали игрокам своих команд, но их голоса пропадали в общем гуле. Тогда, потеряв терпение, Соловей по-разбойному свистнул в два пальца. По полю пронесся смерч в форме песчаной змейки. Один из джиннов-арбитров, подыгрывающий гандхарвам, был буквально сметен и найден лишь много дней спустя – ошалевший и глухой на одно ухо.

Даже суровый завуч Тибидохса Поклеп Поклепыч – и тот, явно не отдавая отчета, что делает, схватил свою русалку за хвост, который она предусмотрительно высунула из бочки, и принялся обмахиваться им как веером.

Русалка захихикала и игриво брызнула в него водой. Зубодериха брезгливо поправила очки и отодвинулась: её мутило от запаха сырой рыбы.

– Наглость какая! С каких это пор нежить пускают на матчи? – пробурчала она вполголоса.

Уклонившись от огненной струи, Рита Шито-Крыто размахнулась для верного броска. Неожиданно снизу, из-под драконьего брюха, вынырнул Люлидури и ловко вырвал мяч у неё из рук. Потоком воздуха от его крыльев гитару с прицепом закружило. Гитара утратила управление и – оказалась у Плевуги в пасти.

– Чтоб мне с пылесоса упасть! – застонал Баб-Ягун. – Команда Тибидохса лишается ещё одного игрока! Спасаясь от драконьих зубов и пламени, Шито-Крыто ласточкой ныряет в драконье горло. Не думаю, что в желудке у Плевуги очень уютно, но выбирать ей не приходится… Эй, какой осел выпустил на поле купидончиков? Уберите немедленно этих дуралеев или хотя бы подтяжки на них наденьте! Куда вообще смотрят драконюхи, я зверею! Их же сожрут!

Джинны-драконюхи и оба арбитра, суетясь и мешая друг другу, помчались хватать купидончиков, пробравшихся сквозь щель в магическом куполе. Переловить их всех оказалось делом крайне сложным. Крылатые мальчуганы – а их было около двух дюжин – разлетелись во все стороны, хихикали и наугад пускали золотые стрелы. Один даже ухитрился тяпнуть драконюха за палец, а другой едва не попал на обед Плевуге, но вовремя уколол его в раздвоенный язык стрелой и улизнул.

Под шумок коварный Лукум-Рахит метнул в Гоярына пламягасительный мяч, но в спешке промахнулся. Подобрать же мяч вторично ему не удалось: пришлось спасаться от раскаленной струи пламени, которую выдохнул тибидохский дракон. Правда, пламя Гоярына не было таким дальнобойным, как у конкурирующих «ворот», зато струя огня, вырывавшаяся из его пасти, была прямо-таки испепеляющей.

Отскочивший пламягасительный мяч был перехвачен Катей Лотковой, которая, уходя от Рамапапы, передала пас Тане.

– Острый момент! – закричал Баб-Ягун. – Получив пламягасительный мяч, Татьяна Гроттер, номер десятый, делает мертвую петлю, отрываясь от Лукум-Рахита и Рамапапы! Она пытается прорваться к Плевуге, но защита гандхарв отрезает её от дракона. Набирать же высоту Таня не решается из-за коротких струй огня, которыми поверх голов защиты поливает её индийский дракон. Вместо этого Таня устремляется к ближайшему полузащитнику гандхарв Люлидури. Неужели попытка тарана? Похоже, гандхарв тоже так считает, потому что переворачивается на спину и выставляет вперед когти. Не надо,

Таня, это безумие!..

Поразительно, она и не собиралась его таранить! Не долетев до Люлидури всего какого-то метра, Гроттер резко наклоняется вперед и, направив смычок вниз, ныряет под драконье брюхо. Спохватившийся Люлидури и пришедший ему на помощь Рамапапа бросаются за Таней, чтобы помешать ей войти в «мертвую зону». Блестящий маневр! Молодец, малютка Гроттер!

Странно, я не понимаю, что делает Лукум-Рахит! Он отчего-то теряет к Тане всякий интерес и начинает тренькать на своей лютне. Тоже мне, нашел время! Может, ему ещё дать совочек, чтобы покопаться в теплом песочке на побережье?..

НЕТ! ВЫ ЭТО ВИДЕЛИ?

Что происходит? Почему контрабас Гроттер начинает рыскать и вертеться на месте, словно какая-нибудь взбесившаяся виолончель? Тане едва удается на нем усидеть. Одно из двух: либо её закружило потоком воздуха от драконьего крыла, либо в игру снова вступила темная магия, как это было в матче с бабаями! Неужели прав мой друг Ванька Валялкин, когда утверждает, что чем выше команда по мировому рейтингу, тем более грязную игру она себе позволяет?.. А теперь, если вы не возражаете, я на некоторое время перестану болтать и немного поиграю. Возможно, именно на это намекает наш тренер Соловей О. Разбойник, который уже пять минут зачем-то настойчиво показывает мне свой тыквообразный кулак.

Баб-Ягун ловко перехватил трубу своего пылесоса, газанул, выпустив из широкой ковровой насадки мелкую россыпь русалочьей чешуи, и стремительно помчался на Лукум-Рахита. Мухлюющий гандхарв поздно заметил опасность. Он сложил крылья и метнулся вниз, перестав тренькать на лютне. Таня смогла, наконец, выровнять контрабас и, уклонившись от острых зубцов на спине индийского дракона, дала Баб-Ягуну пас.

Набирая высоту, она увидела, как Ягун пронесся на пылесосе совсем рядом с Рамапапой, которого завертело вырывающимся из трубы бураном, и прорвался к дракону. Плевуга выдохнул пламя, но Ягун умело пропустил его под собой, как они отрабатывали на тренировках. Правая рука играющего комментатора вскинулась для броска, но внезапно индийский дракон рванулся вперед. Не

успев снизить скорость, Ягун исчез в его пасти, так и не выпустив пламягасительного мяча. А ещё спустя мгновение яркая вспышка и вырвавшийся из драконьего горла безобидный клуб дыма сообщили о том, что магия успешно сработала.

Плевуга хрипло ревел, не понимая, почему вместо пламени из пасти у него вылетают лишь сизые клубы дыма, сопровождающиеся звуками, напоминающими утренний кашель курильщика.

Трибуны взорвались криками. Многие сорвались с мест, беспокоясь о судьбе проглоченного восьмого номера.

– Что с Ягуном? Почему он молчит? Неужели угодил на клыки? Академик, скорее! – в беспокойстве крикнул Тарарах.

Наступая на ноги болельщикам, он метнулся к Сарданапалу. Главный судья имел право приостановить матч в случае, если кому-то из игроков грозила смертельная опасность, но тут из драконьего желудка донесся бодрый голос:

– Урра! Тибидохс вырывается вперед! Эй, кто мне скажет: нам не забыли засчитать три очка? Пуф-ф! Ну и жара тут! Давненько я не парился в баньке! С тех пор, как у бабуси угнали Избушку на Курьих Ножках, а вместо неё подсунули какую-то развалюху на бройлерных окорочках! А темень – просто глаз выколи!

Расталкивая пытавшихся остановить его джиннов, тренер гандхарв Кашавара пролез под охранным куполом и что-то проорал, обращаясь к игрокам своей команды.

Гандхарвы зашевелились. Оставив у погасшего Плевуги нескольких защитников, Рамапапа и Лукум-Рахит устремились к Гоярыну с перцовым мячом, Одновременно Люлидури и Фетюк-ага включились в борьбу за обездвиживающий мяч, за которым уже несколько минут безуспешно гонялся Демьян Горьянов на ревущем «Буране-ЮОУ».

Тем временем играющий комментатор явно изнывал от любопытства, не имея представления, что происходит снаружи.

– Эй вы, там, наверху! Что у вас происходит? Никто не собирается спасти нас, забросив перцовый мяч? Я тут весь вспотел, да ещё Шито-Крыто царапается! На руку ей, видите ли, наступили! Да говорю тебе, Ритка, я тебя не видел! Прекрати дрыгаться, а то эта импортная ящерица нас переварит, и дело с концом! – донесся из драконьего желудка возмущенный голос Баб-Ягуна, усиленный магическим рупором.

Притворившись, что собирается сделать мертвую петлю, Рамапапа красиво обыграл Катю Лоткову и набрал высоту, оказавшись над головой у Гоярына. Таня догадалась, что Рамапапа пытается применить так называемый «ноздревой наскок».

Суть этого приема заключалась в том, чтобы ударить с налету по чувствительному носу дракона и, дождавшись, пока он гневно распахнет пасть, забросить мяч. С молодыми драконами такой фокус обычно не проходил – они были слишком стремительными, а вот с древними гигантами вроде Гоярына мог сработать.

Однако Рамапапа не учел огненной мощи дракона. В тот самый миг, когда когти гандхарва ударили его по ноздрям, Гоярын яростно выдохнул пламя. Рамапапа едва успел заслониться лютней. Сжимая в руках её обугленный остов, закопченный гандхарв скрылся в пасти у тибидохского дракона. Перцовый мяч попытался улепетнуть к куполу, но тут же был подхвачен Лукум-Рахитом.

Рахит эффектно обыграл Семь-Пень-Дыра и мощным броском со средней дистанции завершил атаку во все ещё не захлопнувшуюся пасть Гоярына.

Перцовый мяч белой вспышкой полыхнул в глотке у тибидохского дракона, а в следующую секунду, подчиняясь магии, дракон с омерзением выплюнул не до конца проглоченного Рамапапу. Волосы у Рамапапы торчали в разные стороны от драконьей слюны. Кожу покрывал толстый слой гари. Болельщики гандхарв приветствовали появление Рамапапы громкими поощрительными криками.

– Гандхарвы зарабатывают пять очков! Общий счет матча 7:3 в пользу наших индийских гостей! – хмуро объявил Сарданапал.

Его шаловливые усы сумели развязаться. Один из них, точно дятел, деловито барабанил академика по лбу, словно объясняя: мол, ты вообще соображаешь,

что происходит? Проигрываем!

Кашавара залоснился от удовольствия и бросил торжествующий взгляд на Соловья О. Разбойника. Соловей отвернулся и, невозмутимо щуря единственный глаз, стал следить за последним оставшимся в игре мячом – обездвиживающим.

Именно за этот мяч и шла теперь напряженная борьба.

Демьян Горьянов завладел было мячом, но лишь на несколько секунд. Затем Люлидури и Фетюк-ага взяли его неуклюжий пылесос в клещи, и «Буран-100У» с отвалившейся по их милости трубой врезался в магическое заграждение. Едва успев пробормотать ускоренное тормозящее заклинание, Горьянов зарылся головой в теплый песочек.

С перехваченным мячом Фетюк-ага устремился к Гоярыну, но столкнулся в воздухе с Лизой Зализиной и её пикирующими часами. Пока Фетюк-ага разбирался с кукушкой, Лиза Зализина отвоевала у него мяч и передала пас Семь-Пень-Дыру. Тот попытался прорваться к Плевуге, но попал в завихрение от удара драконьего хвоста. Семь-Пень-Дыра завертело, он сделал неудачный бросок, и мяч оказался у Люлидури.

Игра вновь переместилась на ту часть поля, где под куполом с грозным ревом кружил Гоярын. Внутренности старого дракона жгло перцовой магией, он был взбешен, и, зная это, к Гоярыну не решались приближаться даже собственные защитники. Одна Катя Лоткова – его любимица – кружила у него над головой, изредка отваживаясь прикоснуться к раскаленной чешуе. Но даже ей не удавалось успокоить громадного ящера.

Разъяренный дракон – легкая мишень. Гоярын сейчас распахнет пасть, и гандхарв бросит мяч с дальней дистанции. Это Таня поняла сразу. Она взмахнула смычком и, обхватив гриф контрабаса, метнулась Люлидури наперерез. Жесткие струны царапали ей нос, обдирали обожженную щеку.

Таня была уже близко, когда её контрабас внезапно снизил скорость. Теперь он двигался толчками, точно ему приходилось пробиваться сквозь густой кисель. Боковым зрением девочка заметила, что Фетюк-ага и Лукум-Рахит, будто вовсе не интересуясь матчем, отрешенно тренькают на своих лютнях.

– Кондовус руализмус! – прошептала Таня, все свои силы вкладывая в блокирующее заклинание от темной магии. Перстень Леопольда Гроттера, унаследовавший склочный характер прадеда Феофила, выбросил зеленую искру.

Ловко уйдя от драконьего пламени, Люлидури уже занес руку для броска, когда Танин контрабас преодолел сопротивление и вновь ринулся вперед. Тяжелый обездвиживающий мяч, выпущенный точно в пасть Гоярыну, встретив препятствие, больно ударил девочку по ноге. Не мешкая, Таня схватила мяч и пристегнула его к предплечью.

Люлидури так и не сумел сообразить, откуда на пути мяча вдруг возникла юркая девчонка. Толстый гандхарв разинул рот и мелко затрепетал крылышками, наблюдая, как она стремительно удаляется, направляясь к Плевуге.

Вот уже впереди мелькнула золотистая чешуя индийского дракона. Его узкое змеиное тело с острыми костяными пластинами хищно извивалось, Кожистые крылья мерно рассекали воздух.

Едва заметив желтое пятно обездвиживающего мяча, который он ненавидел всеми силами своей драконьей души, Плевуга взревел и попытался выпустить струю огня. Однако пламягасительная магия прав должала действовать. Из его пасти вырвался лишь вонючий черный дым. Наперерез Тане метнулось два защитника, но она умело обвела их и прорвалась к Плевуге. Дразня дракона, девочка приготовилась к своему коронному мгновенному перевертону, но тут Фетюк-ага, Лукум-Рахит и присоединившийся к ним Люлидури сосредоточенно затренькали на лютнях.

«Как же мне надоел этот оркестр народных инструментов! Почему, интересно, Сарданапал не вмешается?» – с тоской подумала Таня, вновь выставляя магический блок.

На этот раз защитное заклинание не сработало. То ли противников было слишком много, то ли встречная магия оказалась чересчур сильной. Не повинуясь смычку, контрабас взбрыкнул и резко перевернулся. Таня не смогла удержаться и сорвалась, и в полете продолжая прижимать к себе обездвиживающий мяч. Она уже собиралась произнести ускоренное тормозящее заклинание, когда внезапно внизу что-то мелькнуло. Изумленная Таня оказалась на пылесосе позади Гробыни Склеповой. Причем саму Гробыню явно не

устраивало такое соседство.

– Тикалус плетутс! – буркнула она, переходя на более грузоподъемное заклинание.

«Свин-спортаж», из пробитого бака которого пахло русалками, с трудом выровнялся.

– Отпусти мою шею, чокнутая сиротка! Ты меня придушишь! И вообще, катись с моего пылесоса! Он и так еле летит! – прохрипела Склепова.

Не слушая её, Таня отыскивала глазами свой неуправляемый контрабас, слепо рыскавший внутри купола. В миг, когда она нашарила его взглядом, контрабас с силой ударился грифом о песок, несколько раз перевернулся и замер.

Таня вскрикнула. Ей немедленно захотелось прыгнуть с Гробыниного пылесоса ласточкой и, помчавшись к своему инструменту, нянчить его, точно больного ребенка. Только мысль, что матч ещё не окончен и обездвиживающий мяч у нее, остановила Таню.

– Мой контрабас разбился! Ты видела? – охнула она, вцепившись в Гробыню.

– Мне-то что за дело? Сама разбирайся со своей летающей балалайкой! Хоть бы она вообще на спички пошла! – фыркнула Склепова.

Ехидничая, она случайно подняла голову и завизжала. Их накрыла темная тень. Сверху, сложив крылья, на девчонок пикировал взбешенный дракон гандхарв.

– Смываемся! Это все из-за тебя!

Склепова торопливо развернула «Свин-спортаж» и, не переставая оглашать поле пронзительными трелями, бросилась наутек. Перегруженный пылесос надрывно кашлял, проваливался в воздушные ямы и определенно собирался заглохнуть, чадя остаткам! топлива и воняя сырой чешуей. Гробыня колотила па пылесосу пятками, бестолково выстреливая из кольца одну красную искру за другой.

– Не психуй, Склеп! Подпусти его ближе! – крикнула Таня.

Она была раздражена. Трусливо вцепившаяся в трубу и то и дело менявшая направление полета, Гробыня мешала ей прицелиться и бросить мяч.

– Ты что, спятила? Лучше дай кому-нибудь пас! Этот психованный ящер нас прикончит! – в панике визжала она.

Разбушевавшийся дракон почти висел у них на хвосте. Оборачиваясь, Таня видела уже розовые провалы его ноздрей и бугристые, чешуйчатые нарость" на вытянутой хищной морде.

– Увеличь скорость, а потом резко тормози! – велела Таня.

– Я не могу! Пылесос глохнет!.. Ай, ну что я говорила! А ну катапультируйся отсюдова, чокнутая сиротка, я жить хочу! – завопила Гробыня.

Она уперлась в обод, откинулась назад и столкнула Таню с пылесоса. Падая, Таня успела схватить Гробыню за ногу. Обездвиживающий мяч, уже приготовленный для броска, выскользнул у неё из рук и случайно прилип к креплению на предплечье у Гробыни.

– А-а! Ты что сделала! Убери его сейчас же!

Склепова, к ужасу своему, осознала, что получила пас. Пытаясь пнуть Таню свободной ногой, она выпустила трубу и хаотично замахала руками, стремясь избавиться от мяча. Обездвиживающий мяч, пущенный с единственным желанием поскорее выбросить его куда-нибудь, описал в воздухе полукруг и – оказался в распахнутой пасти у Плевуги!

Двойная желтая вспышка! Магический пар, окутавший драконью голову, застлал его злобные глазки сонной поволокой. Плевуга зевнул и, позабыв о пылесосе «Свин-спортаж» и его вкусных наездницах, отправился отсыпаться на теплый песочек. «А ну вас всех!» – словно говорил его удалявшийся вздрагивающий хвост.

– Эй, что происходит? Почему мы падаем? Кто победил-то? Ох, мамочка моя бабуся, да почему все молчат? Эй, Шито-Крыто, перестать меня щипать! Ты что, озабоченная? – вопил из драконьего желудка Баб-Ягун.

– Чистая победа! Наша взяла! – закричал Тарарах, заключая Зубодериху в свои мощные объятия, У преподавательницы по снятию сглаза что-то хрустнуло.

– Ваши восторги мне понятны, но мои ребра!!! – пискнула она.

Смутившись, питекантроп выпустил Зуби и отошел в сторону. Правда, раскаяния у него хватило ненадолго. Минуту спустя он уже обнимал русалку Поклепа, к ужасной ревности завуча.

Трибуны торжествующе ревели. Болельщики гандхарв с пронзительными криками поднимались в воздух и спешили улететь подальше от позора.

Богатыри-вышибалы Горыня, Усыня и Дубыня, лишенные возможности выражать свой восторг воплями, выражали его тем, что хлопали друг друга и вообще всех подряд по спинам и плечам. Еще три циклопа получили травмы.

– ГОЛ! Получив пас от малютка Гроттер, Гробынь Склепофф забивает победный мяч!.. О, какой отважный чемпион есть Гробынь! Какой блестящий техника! Забросить мяч, когда на ноге у нее, как собак-бульдог, висит настырный Татьян!.. Ви все видель, что в этом матче закатился звезд Татьян Гроттер и вспыхнуль новый звезд – Гробынь Склепофф! – прокомментировал профессор Клопп, принявший на себя обязанности комментатора после исчезновения Ягуна в драконьем желудке.

Гробыня, все ещё удиравшая от уже уснувшего дракона, догадалась, наконец, обернуться. Она поняла, что ей удалось забить победный гол.

– Это я! Я! Вы это видели! А ну отпусти мою ногу, Гроттерша! Брысь от моей славы, выскочка!

Раскланиваясь и купаясь в лучах незаслуженной славы, Склепова упустила момент, когда «Свин-спортаж» окончательно заглох и обрушился вниз. Первой на песок упала Таня, а мгновение спустя на неё рухнула Склепова на своем пылесосе.

Таня услышала, как что-то хрустнуло, и, помнится, успела ещё удивиться, что бы это могло быть. А потом вдруг нахлынула чудовищная боль и заставила её

уткнуться лицом в песок, Зато Гробыня, приземлившаяся прямо на нее, ничуть не пострадала. Вскоре она была уже на ногах, принимала поздравления и посылала во все стороны воздушные поцелуйчики.

– Мы победили! Какое чудо эта Гробыня! Я всегда её обожала, даже когда она превратила меня в крысу! Можно я её обниму? Нет, я первая! – визжали поклонницы.

Прорвавшись сквозь магическую преграду, к Гробыне ринулась целая толпа болельщиков и начала её подбрасывать, попутно едва не затоптав Таню. Минут через пять, надо отдать им должное, кое-кто из болельщиков, не сумевший дотянуться до звездного тела мадемуазель Склеповой, обратил внимание и на нее.

– А малютка Гроттер! Где она? Какой отличный дала пас! – взвизгнул этот перегревшийся поклонник драконбола.

К Тане ринулись Дуся Пупсикова, Верка Попугаева и ещё десяток столь же впечатлительных дур. Ощущая дикую боль в сломанной ноге, изогнувшейся под совершенно немыслимым углом, со ступней, свернутой в сторону, как шея бройлерного куренка, Таня попыталась отползти.

– Ой, посмотрите на бедняжечку! Она вся в крови! И ботиночек с ножки соскочил! Давайте его наденем! – засюсюкала Дуся Пупсикова.

– Нет, я надену! Уйди отсюда, мымра толсторожая! – потребовала Верка Попугаева.

– Сама уйди! Дай сюда ботинок! – рассвирепела Пупсикова.

Обе поклонницы подскочили к Тане и, схватив её за ногу, стали тянуть каждая в свою сторону.

– А-а-а! – нечеловеческим голосом заорала малютка Гроттер. Ей не было бы больнее, даже если бы ногу просто отрубили.

– Ой, какая она нервная! Пойдемте лучше к Гробыне! – возмутились поклонницы.

Впечатлительные особы отхлынули, унесенные визгом. Ботинок звезды они уволокли с собой. Зато к Тане, наконец, смогла пробиться Ягге с джиннами-санитарами.

– Сейчас будет немного больно. Потерпишь? – спросила Ягге.

Кусая губы, Таня кивнула.

Ягге бегло осмотрела её ногу. Она велела джиннам бережно переложить Таню на носилки и перенести в магпункт.

– А вот в зеркало тебе лучше не смотреться! – хмыкнула она. – Самое меньшее, что ты заработала, это ожог, дюжину ссадин, пяток ушибов и сложный перелом. Придется запустить под гипс костеросток, так что не вздумай ныть! Это не слишком приятно, я предупреждаю!

Пыхтящие среднеазиатские джинны, по бугристым лицам которых, мечтательно переползая с одного места на другое, бродили глаза, рты и уши, подхватили носилки. Сообразив, что её сейчас унесут, Таня привстала и вцепилась Ягге в морщинистую руку.

– Подождите! Что с моим контрабасом? Ягге повернулась к Соловью О. Разбойнику.

– Что с контрабасом нашей красавицы? А то она никак в магпункт спокойно не ляжет! – ворчливо спросила она.

Соловей развел руками:

– Я пытался подстраховать его заклинанием, пока он по песку кувыркался. Да только гриф все равно треснул. Прости, что так вышло.

Таня скривилась. Она не хотела плакать, отворачивалась, но слезы все равно текли. А потом она не выдержала и разрыдалась.

– Чего куксишься, подумаешь, деревяшка! Лучше о ноге думай. Срастется криво – до конца жизни будешь гусаком прискакивать… – недовольно пробурчала Ягге,

кивая санитарам.

* * *

Остаток дня оказался для Тани не особенно приятным, В магпункте все её ссадины покрыли едкой и пахучей мазью, от которой здорово несло гарпиями и перепуганным скунсом.

Сломанную ногу вытянули и наложили на неё гипс, под который Ягге, нашептывая что-то, запустила целый коробок упитанных, похожих на плоские монеты с лапками костеросток. Костеростки немедленно расползлись по ноге. Они были липкие, противные и заставляли Таню испытывать зуд и непрерывное пощипывание.

Утешало лишь то, что за перегородкой в магпункте лежал Баб-Ягун, схлопотавший в раскаленном драконьем брюхе тепловой удар да вдобавок исцарапанный Риткой Шито-Крыто.

Снаружи восторженные болельщики приветствовали Гробыню. Их рев. проникал и сквозь двойные рамы магпункта. Богатыри-вышибалы Усыня, Дубыня и Горыня сколотили нечто вроде передвижного деревянного помоста и, взгромоздив его на плечи, с триумфом носили Гробыню по всему Тибидохсу.

Изредка проносимая мимо, Склепова показывалась в окнах магпункта и язвительно усмехалась, помахивая Тане рукой с длинными ярко-зелеными ногтями.

– Все говорят, что она забила, а ты ей только мешала. Тормозила её пылесос, висла на ногах… Что ж ты так? Растерялась, да? – высунувшись из-за перегородки, поинтересовался Баб-Ягун.

Таня молча швырнула в него подушкой.

– Ой, мамочка моя бабуся! Перегревшихся бьют! – захохотал Ягун, нахлобучивая подушку подобием наполеоновской треуголки.

Таня отвернулась от него и с головой накрылась одеялом. Ей хотелось кусаться, лягать кого попало здоровой ногой и вопить, как какой-нибудь Пипе. Кто же мог подумать, что с трибун все выглядело так по-идиотски? Она, оказывается, мешала Склеповой забить! Если и Ягун так считает, что же говорить об остальных?

Постепенно её гнев перегорел. Она стала жалеть себя и даже поплакала в подушку, но очень тихо, чтобы Ягун ничего не услышал. Сломанную ногу под гипсом жгло и пощипывало. Казалось, будто костеростки опутывают её липкой, горячей паутиной.

Покачиваясь на волнах боли и наслаждаясь малейшим её затишьем, Таня наконец уснула. Как долго она спала, она не знала, но, вероятно, недолго, потому что среди ночи её разбудили глухие удары.

Тибидохс сотрясали раскаты грома, заставлявшие это приземистое, похожее на каменную черепаху строение вздрагивать до самого подвала.

В окна магпункта хлестал ливень. Казалось, снаружи по стеклам течет река. Брызги просачивались в щели, плохо законопаченные заклинаниями, и лужами натекали на полу и широком подоконнике. Ежесекундно небо прочерчивалось огненными стрелами молний – двумя-тремя одновременно. Тане, кровать которой стояла совсем близко к стеклу, чудилось, будто все молнии бьют в одну точку – в чердак Большой Башни.

Неожиданно Таня вспомнила слова Соловья: «Да только гриф все равно треснул!» Тане стало жутко. С трудом дотянувшись до стула, на котором лежала её одежда, девочка достала записную книжку и стала поспешно её перелистывать.

Шпоры по нежитеведению, рецепты, как успокоить разбушевавшегося дракона… Где же это? Ага! Вот она – инструкция по использованию магического контрабаса! Как славно, что когда-то она догадалась переписать её с бересты, и ещё приятнее, что эти записи не исчезли, как это случалось при попытке продублировать запретное заклинание!

Голубоватые вспышки молний выхватывали об-рывки фраз. Стекла содрогались при каждом ударе грома:

"Данный контрабас… волшебником Феофилом Гроттером… для полетов на Лысую гору… тонкой магии… материала… палубные доски Ноева Ковчега… внутри грифа Веревка Семнадцати висельников, обрывавшаяся..... казнить невиновною…

…избегайте столкновений с твердыми предметами! Нарушение правил..... высвобождению мощного проклятия, содержащегося в Веревке…"

Таня выронила записную книжку. А что, если Веревка Семнадцати висельников лопнула и эта жуткая гроза – явно магическая по происхождению – была как-то связана с высвобождением древнего проклятия?

Но сейчас Таня слишком устала, чтобы размышлять о туманных намеках прадедушки Феофила. Мало ли что могло померещиться мнительному ворчливому магу, жившему несколько столетий назад? Магу, чей голос жил в её кольце?

Девочка закуталась в одеяло. Было сыро. За перегородкой сладко причмокивал губами Баб-Ягун. Изредка он переставал причмокивать и сердито, явно во сне, говорил кому-то: «А ну брысь отсюда, не то рога обломаю!» И снова причмокивал.

В стекло и по покрытому черепицей выступающему козырьку магпункта хлестали тяжелые струи дождя. Это был не просто ливень. Казалось, сам океан, заключенный в невидимую чашу, завис над островом и спешит теперь излиться на Тибидохс.

Таня закрыла глаза и уснула под неумолчный шум дождя, порывы ветра и раскатистый гром…

Глава 3

КАМОРКА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО И НЕТ

Змей Времени – странное существо. Свернувшись в кольцо, он лежит где-то в бесконечности, и в великом множестве его чешуек заключены минуты, дни, годы и столетия. Шепчутся, правда, что некогда на змея наложил заклятие сильный черный маг Людвиг Сморкач. Суть этого заклятия состоит-де в том, что в самые лучшие свои минуты время всегда бежит слишком быстро, в минуты же неприятные – растягивается, как холодные макароны, которые наматываются на вилку и никак не закончатся.

Именно об этом и о промелькнувших незаметно каникулах Таня размышляла на первом уроке практической магии, с омерзением заглядывая в свой провонявший за лето склизкий котел, по дну которого ползали отвратительные белые опарыши, ухитрившиеся завестись не без помощи многочисленных тибидохских мух. Зато профессор Клопп был этим крайне доволен, утверждая, что грязь придает котлам дополнительные магические возможности.

«Ничего себе отдых! Три недели проваляться в магпункте, чтобы потом выяснилось, что после костеросток нельзя купаться! Что толку быть волшебником, если тебе разрешается меньше, чем самому обычному лопухоиду?» – размышляла Таня, попутно стараясь не пропустить объяснений профессора Клоппа.

Сморщенный профессор практической магии неторопливо прохаживался по классу и, зыркая во все стороны ехидными, цвета высохшей апельсиновой корки глазками, бубнил:

– Для приготовления эликсир предвидения ви взяль один большой лист лопух и завернуль в него цветок папоротник и мелко толченый камень агат. Записаль? Потом ви добавляль гробовой щепка, драконий слизь, шерсть дохлый крыса, камешек из куриный зоб и вариль все в болотный вод. Когда вариль, ви не должен опускать туда ложка, а мешаль все отрубленный лягушачий лапка! Если ви все сделаль зер гут, то когда жижа закипель – произойти кое-что интересный! Все записаль? А теперь шнель, шнель, юный тупиц! Делаль все, как я сказаль! А я буду посмотрель на вас с величайший наслаждений!

В голосе у профессора Клоппа послышалось скрытое злорадство, настолько плохо скрытое, что его заметили все ученики. Даже профессорская любимица Рита Шито-Крыто настороженно подняла голову. Гробыня Склепова прищурилась, пытаясь первой сообразить, в чем будет заключаться приготовленная Клоппом гадость.

Понукаемые нетерпеливо подпрыгивающим Клоппом, второклассники принялись толочь агат и доставать из кожаного мешка цветки папоротника. Тем временем Гуня Гломов, переведенный во второй класс лишь потому, что в первом он смертельно надоел всем преподавателям, гонялся за дохлой крысой которая проявила необычайную прыть и удрала, тяпнув Гуню за палец.

Профессор Клопп разворчался, заявив, что крысу оживил кто-то из старшеклассников и что он, Клопп, обязательно сообщит об этом безобразии Поклеп Поклепычу. Наконец Клопп успокоился, выпил две ложки коньяка с желчью и даже разрешил Рите Шито-Крыто частично ощипать свою жилетку, которую, не снимая, носил уже много столетий подряд.

– Вот уж не думал, что она у него крысиная! – морщась, прошептал Тане Баб-Ягун.

Таня разожгла под котлом огонь и, помешивая лягушачьей лапкой, стала дожидаться, когда забурлит болотная вода. Изредка на поверхность всплывал то разваренный лопух, то цветок папоротника. Гробовая щепка, как стрелка компаса, задумчиво кружилась в поднимавшихся со дна вонючих пузырьках.

Одновременно Таня с любопытством наблюдала за Ванькой Валялкиным, который только что, попытавшись незаметно съесть котлету, уронил её в котел. Теперь из котла валил густой оранжевый дым;

Ванька пытался спрятать его от Клоппа, накрыв котел крышкой. Но это не помогало. Дым все равно валил, да ещё скрипел ржавым старческим голосом. Должно быть, Ванька потревожил покой какого-то древнего джинна. Теперь джинн буянил и рвался на свободу.

Как Ванька ни старался и ни налегал на крышку, профессор Клопп обнаружил это безобразие. Единственной красной искрой он заставил джинна улетучиться, а Ваньке влепил в журнал жирную двойку.

Баб-Ягун и Жора Жикин, основатели секретного «Ордена тупиц», немедленно поздравили Ваньку с почином, а Гуня Гломов тряс ему руку до тех пор, пока сам не получил пару. Только тогда Гломов успокоился и удовлетворенно опустился на место.

Внезапно Дуся Пупсикова подскочила едва ли не до потолка и, чудом не опрокинув котел, радостно завопила:

– Ай! Мне все-таки подарят кожаный комбинезон! Какая я в нем миленькая!

Кинувшись к котлу Дуси, второклассники увидели, что он уже бурлит и от него разит болотной жижей. Остальное могла видеть только сама Пупсикова, продолжавшая восхищенно визжать что-то про кожаный комбинезон.

– Зер гут! Пупсикофф все сделаль правильно! – одобрил Клопп.

Минуту спустя жижа закипела у Риты Шито-Крыто. В отличие от Пупсиковой, скрытная Рита сохранила то, что увидела, в тайне. Она лишь впивалась в бурлящий котел глазами и загадочно улыбалась.

А потом… потом все только и делали, что бросались от одного котла к другому. В воздухе висел вонючий дым, от которого слезились глаза и першило в горле. Один только профессор Клопп, обожавший кошмарные запахи, с наслаждением втягивал его своим похожим на утиный клюв носом и загадочно ухмылялся.

Таня кинулась было к Баб-Ягуну, крикнувшему, что видит результаты полуфинала чемпионата мира по драконболу, как вдруг что-то забурлило совсем близко. Она поняла, что закипел её собственный котел.

Забыв обо всем, Таня наклонилась над котлом и стала нетерпеливо всматриваться в дымящуюся жижу. Долго она ничего не видела, кроме совсем уже разварившегося лопуха и радужных маслянистых разводов драконьей слизи. Таня подумала, что что-то напутала с приготовлением эликсира. Решив скрыть это от профессора Клоппа, чтобы не получить пары и не быть записанной в «Орден тупиц», девочка хотела притвориться, что что-то видит. Она опустила голову ниже и внезапно поняла, что котел куда-то исчез. Очертания класса размылись. Прямо перед Таней кто-то стоял.

Она рванулась, вскрикнула и куда-то провалилась…

Очнулась она от резкого запаха. Оглядевшись, Таня поняла, что сидит на стуле, вокруг столпились второклассники, а профессор Клопп держит у неё перед

носом пузырек с нашатырным спиртом.

Обнаружив, что девочка пришла в себя, Клопп сам с явным удовольствием понюхал нашатырь, крякнул и, поочередно подмигивая слезящимися глазками, спросил:

– Ай-ай-ай! Что с тобой биль? Может, ты видель что-то особенный, а?

– Ни… ничего… Мне просто стало плохо… от вони, – едва выговорила Таня.

– Ага! Вы это слышаль? Слабонервный малютка Гроттер боится зеленый тина! – насмешливо протянул профессор Клопп.

Гробыня и Верка Попугаева отвратительно заржали.

Таня старалась ни на кого не смотреть. Только что она соврала Клоппу, но не ощущала раскаяния. Правда была слишком ужасна, чтобы её возможно было высказать, тем более Клоппу.

Не могла же она во всеуслышание произнести, что видела, как академик Сарданапал сидит в тесной клетке, уткнувшись лицом в мятую миску с похлебкой, а рядом, плохо различимая в бурлящей болотной жиже, стоит высокая костистая фигура, закутанная в плащ?

Долго, ещё очень долго Таня в малейших подробностях припоминала тот мгновенно мелькнувший образ. Насколько реально было это предвидение? Можно ли ему доверять? А если можно, что ей теперь делать – бежать к Сарданапалу и рассказать ему? Очень сомнительно, чтобы академик всерьез отнесся к её предупреждению.

Наконец урок закончился.

Профессор Клопп, оглушив класс совершенно безумным домашним заданием, втянулся на гамаке в расположенный на потолке люк.

– Слушай, Ягун, я долго была без сознания? – спросила Таня.

Ягун замотал головой.

– Не-а. Самое большее – полминуты. Я смотрю: ты вот-вот в котел рухнешь, и подхватил тебя. Мы с Ванькой усадили тебя на стул, а тут уже Клопп семенит со своим флакончиком. Ну и ехидная же была у него рожа! Я даже подумал: не специально ли он все это подстроил? Может, щепку тебе дал какую-то особую или нашептал чего на тину?

Бесцеремонно оттолкнув Ягуна, мимо прошествовала Гробыня, окруженная целой толпой поклонников, которой у неё теперь было даже больше, чем у Кати Лотковой. После того счастливо заброшенного мяча, позволившего команде Тибидохса пробиться в полуфинал, Склепова пользовалась просто невероятным успехом. Когда она появлялась на обеде в Зале Двух Стихий, школа на несколько мгновений замирала, после чего многие разражались аплодисментами.

Один влюбленный третьеклассник – очень застенчивый юноша по имени Шуонк Чпуриков – однажды опрокинул на себя кастрюлю с супом затем только, чтобы обратить на себя Гробынино внимание. Кстати, в Тибидохс Чпуриков попал потому, что всякий раз, краснея, без всякого желания со своей стороны становился невидимым. Краснел же он постоянно.

Неожиданно в коридоре послышался какой-то шум. Гробынины поклонники, толпившиеся вокруг нее, поспешно отхлынули к лестнице.

Навстречу им, цепляя пальцами длинных рук пол, враскачку шел преподаватель ветеринарной магии Тарарах, за которым Усыня и Горыня тащили разъяренного бессмертного вепря. Из ноздрей у вепря валил пар, а в спине торчали обломки древнего, еще, кажется, греческого либо персидского копья.

Заметив Таню, Ваньку Валялкина и Баб-Ягуна, питекантроп остановился и весело обратился к ним:

– Чего вы такие кислые? От Клоппа идете? Что вы там у него варили? Лиственный клей? Мазь от бородавок?

– Если бы! Эликсир предвидения… Размешать лягушачьей лапкой, гробовых щепок набросать и ждать, когда закипит! – пояснил Ванька Валялкин.

Брови у Тарараха изумленно поползли на лоб.

– Во втором классе? Эликсир предвидения? Если я не совсем ещё спятил, у вас сейчас по программе зевательная настойка, декокт ехидства, дремуче-гремучая смесь и всякая чепуховина в этом духе. Ты что-то перепутал!

– Мы проходили эликсир! – азартно заспорил Валялкин.

– Да не могли вы! – отмахнулся Тарарах.

– Нет, проходили, проходили, проходили! – Ванька был ничуть не менее азартным, чем его любимый преподаватель.

Питекантроп хотел возразить, но в этот момент Усыня отпустил задние лапы вепря и принялся хлопать себя по лбу, пытаясь прибить назойливую муху. Вепрь вырвался, сшиб Тарараха с ног и стремительно помчался по коридору в сторону кабинета Поклеп Поклепыча.

Ученики прянули во все стороны, спасаясь от вепря.

– Вы что, спятили? А если Поклеп узнает, что мы магических зверей по коридорам таскаем! Он же строго-настрого запретил! – завопил на богатырей Тарарах и кинулся вдогонку.

Горыня бросился за ним, а Усыня подцепил убитую муху ногтями за крылышко, поднес к глазам н некоторое время удовлетворенно созерцал свой трофей. Наконец ему это прискучило. Он вздохнул, зачем-то спрятал муху в нагрудный карман и неторопливо закосолапил следом за братом.

После последнего урока – нежитеведения у Медузии Горгоновой, на котором они проходили говорящих клопов (Ванька и Таня весь урок фыркали, при" поминая профессора Клоппа и шепотом делая на его счет всякие интересные предположения) – приятели отправились в Зал Двух Стихий. Весь Тибидохс уже собрался там на праздничный обед.

Сияющий профессор Сарданапал – румяный, упитанный, со щеками, как у колобка, – в красном нарядном кафтане с галунами, с расчесанной пушистой

бородой, трижды обвитой вокруг пояса, встал в центр – в огромное мозаичное солнце, выложенное на мраморном полу. Его роскошные усы – правый зеленый, а левый желтый – заботливо придерживали очки с разболтавшимися дужками.

Внушительно надувая самоварные щеки, пожизненно-посмертный глава Тибидохса открыл ларец, из которого немедленно выпрыгнули два молодца и стали с умопомрачительной скоростью расстилать скатерти-самобранки.

– Вы только посмотрите на Сарданапала! Он же вылитый Дед Мороз! – зашептал Валялкин, незаметно толкая Таню и Баб-Ягуна.

Таня недоверчиво посмотрела на главу Тибидохса и внезапно осознала, что Ванька прав. В красном кафтане, с бородой, Сарданапал удивительно походил на Деда Мороза. Пожалуй, академику не хватало только шапки с меховой опушкой и вместительного мешка.

Нет, не может такого произойти, чтобы этот величайший из ныне живущих магов оказался в тесной клетке! Мало ли что привидится в закисшем котле Клоппа, где к болотной жиже наверняка примешались белые черви, не входящие в состав эликсира и испортившие его!

Почувствовав, что на него смотрят, Сарданапал повернулся к их столику. А в следующую минуту расторопные молодцы из ларца, которым академик дал особый знак, взметнули в воздух скатерть.

– Ох, мамочка моя бабуся, опять это скатерть с тертой редькой!.. Удавлюсь я от этих витаминов. Сарданапал точно нас подзеркаливал, а ещё «белый»! Вот так дедульник-морозильник! – застонал Баб-Ягун.

Неизвестно, услышал его академик или нет, но он строго погрозил Ягуну пальцем.

Внук Ягге застенчиво замерцал ушами и вонзил вилку в большой ком редьки. Хорошо еще, что на соседний стол попала «вафельная» скатерть, и Семь-Пень-Дыр, сжалившись, перебросил им здоровенный торт с шоколадом и сгущеным молоком.

Правда, перебрасывая торт, Пень слегка переборщил, и торт отпечатался у Баб-Ягуна на комбинезоне.

– Ты что, спятил? Не в драконбол играешь! – завопил Ягун.

– Прости, я машинально дал тебе крученый, – виновато развел руками нападающий Тибидохса.

В конце обеда Медузия Горгонова громко хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

– Минутку! Я хочу сделать небольшое объявление! Сегодня утром к нам прилетел купидончик с сообщением от всемирного драконбольного совета! Определился участник, с которым команде Тибидохса предстоит встретиться в полуфинале. Нашими соперниками станут… – профессор Горгонова выдержала томительную паузу: – Афганские джинны!

На мгновение над Залом Двух Стихий повисла мертвая тишина, а затем все разом сорвались со своих мест и загалдели. Гуня Гломов от полноты чувств даже опрокинул стол. Поклеп Поклепыч послал циклопа за ухо вывести Гуню из зала, что циклоп и проделал с величайшим удовольствием.

За многовековую историю драконбола афганские джинны становились чемпионами мира едва ли не чаще остальных команд. По общему рейтингу, они опережали даже гандхарв и бабаев и лишь незначительно уступали невидимкам. Недаром спортивные обозреватели называли их «мировыми вышибалами». Любая команда, встретившаяся с джиннами на игровом поле, терпела поражение с головокружительным счетом.

– Ну, всё! Конец нам! Теперь точно не прорваться в финал! – пораженчески воскликнул Демьян Горьянов.

– Ты, главное, с пылесоса не упади. Все равно от тебя никакого проку. На месте Соловья я давно заменил бы тебя на Дусю Пупсикову, – заявил Баб-Ягун.

Пупсикова благодарно заморгала, но бестактный Ягун тотчас добавил:

– Увидев её в воздухе, все джинны немедленно станут умирать от смеха и упустят все мячи. А Дуся не будет терять даром времени, свалится на голову их капитану и примется его тискать…

Крупная, с куриное яйцо, зеленая искра оторвалась от кольца Медузии и лопнула с сухим треском.

– Прошу внимания! От имени преподавателей школы Тибидохс я собираюсь сделать приятный сюрприз лучшему игроку, великолепно проявившему себя в матче с гандхарвами!

Едва услышав про сюрприз, Гробыня немедленно вскочила и с величайшей готовностью выдвинулась вперед. Казалось, её беспокоит одна только мысль: хватит ли у неё рук самой унести все приятные сюрпризы и не следует ли мобилизовать для этого своих прихехешников.

Однако Медузия даже не повернулась в её сторону. Вместо этого она подала кому-то знак. Четверо степенных домовых в русских кафтанах, пыхтя, внесли в зал большой, великолепно отполированный инструмент. Одному из домовых, шедших позади, его шапка все время сползала на глаза.

С интересом разглядывая то, что несли домовые.

Таня машинально любовалась новой полировкой, придававшей инструменту, который – в этом она была убеждена – никогда не видела прежде, приятный ореховый оттенок.

– Нашим мастерам пришлось потрудиться, прежде чем они привели его в надлежащий вид. Понадобилось заменить струны, заново покрыть все лаком и серьезно отреставрировать гриф, Особой спешки не было, и именно поэтому я попросила сделать все не торопясь и тщательно, – нетерпеливо оглядываясь, словно ожидая кого-то, продолжала Медузия.

Никто не выходил. Профессор Клопп язвительно хихикнул и покосился на Сарданапала.

Ванька подтолкнул Таню плечом.

– Эй, ты чего? Заснула? Иди скорее! Это же твой контрабас! – удивился он:

– Не мой! – буркнула она.

– Как не твой? Смотри внимательнее! Ты что, его не узнаешь? – рассердился Ванька.

Таня не двигалась с места. Домовые приблизились к ней и принялись возбужденно попискивать, явно требуя, чтобы их освободили от их ноши. Особенно негодовал тот, на глаза которого сползла шапка, а поправить её он не мог: руки были заняты.

Сомнений больше не оставалось, Девочка взяла контрабас. Струны загудели – низко и одновременно, как будто знакомо. Сердце у Тани дрогнуло. За минувший месяц не проходило и дня, чтобы она не подумала о своем инструменте, но на вопрос, где он и что с ним, все преподаватели как-то многозначительно отмалчивались, и, в конце концов, Таня перестала его задавать. А теперь вдруг такое…

Таня даже не знала, рада она или нет – все как-то смешалось в мыслях.

К ней подошла Медузия.

– Надеюсь, ты не обиделась, что мы вернули тебе контрабас только теперь и вообще держали все в тайне? По правде говоря, все было готово уже неделю назад, но Сарданапал дожидался, пока Ягге разрешит тебе начать тренировки. Сегодня утром мы, наконец, её упросили. Постарайся к матчу с джиннами быть в форме… Ну ты хоть рада?

– Не знаю… я… да… рада… – сбивчиво ответила Таня.

Медузия понимающе смотрела на неё и улыбалась. Таня провела рукой по грифу, на котором теперь не было заметно ни одной трещины. Невозможно было определить, пострадала Веревка или нет, а прямо спросить об этом у Медузии она не решалась. Лучше уж потом осторожно выяснить это у домовых, которые, приподнимаясь на цыпочки, стояли рядом и старались заглянуть ей в лицо. Они тоже чего-то ждали, но чего? Таня улыбнулась им, но домовых это явно не

удовлетворило.

– А когда матч? – спросила Таня.

Медузия пожала плечами.

– Точная дата пока не определена. В спорткомитете при Магоестве Продрыглых Магций полная путаница. Похоже, бедняг опять сглазили… В любом случае, прежде невидимки должны встретиться со сборной полярных духов. А уж после состоится наш матч с афганскими джиннами. Разумеется, Соловей оповестит вас заранее, – сказала она.

Вокруг Тани уже сгрудилась добрая половина Тибидохса. Ученики буквально лезли друг другу на плечи, чтобы посмотреть на восстановленный контрабас. Кузя Тузиков нечаянно наступил на любимую мозоль Поклеп Поклепыча, которую тот лелеял последние двести лет, испытывая одиночество до встречи с русалкой. Суровый завуч Тибидохса взвыл так, что ему немедленно откликнулись заточенные за Жуткими Воротами древние духи.

– Все марш на занятия, пока я вас не сглазил! Брысь! – завопил Поклеп, надуваясь и багровея до самой лысины. Из его кольца стали выпрыгивать красные искры, а на столах разлетелось несколько тарелок. Молодцы из шкатулки стали поспешно сворачивать скатерти.

Школьники брызнули в разные стороны. У Поклепа в Тибидохсе была неважная репутация. Даже Зубодериха не всегда могла снять его сглазы, особенно наложенные под горячую руку (или, как шутил Ванька, «под горячую плешь»).

Проходя мимо Тани в окружении своей свиты, Гробыня остановилась и вызывающе уставилась на нее.

– Ишь ты, «лучший игрок»! Небось сама все устроила, да? Моя слава покоя не дает? – поинтересовалась она.

– Отстань, Склеп! – огрызнулась Таня. Но Гробыня не отставала.

– Не понимаю, что эти преподаватели в тебе находят! С какой это радости ты ходишь у них в любимчиках, Гроттерша? Ни одного же мяча не забила в последнем матче, а раньше тебе змеиный смычок помогал – это все знают… Может, ты на нас на всех ябедничаешь, а? – продолжала она.

Гробынины прилипалы заржали. Пока Ванька Валялкин и Баб-Ягун готовились дать отпор, – хотя схватка была бы явно неравной, – Склепова двинулась вперед и, будто случайно, толкнула Таню плечом.

Струны контрабаса загудели и – Гробыня завизжала, размазывая по лицу липкую жижу. Ну, в общем-то, если посмотреть на все с философской точки зрения, воткнуться головой в наполненный до краев ковш с киселем не так уж и неприятно. Опять же кисель был свежий, вкусный и все такое в этом духе… Однако Склеповой все равно почему-то не понравилось. Живут же на свете такие девушки, которым ничем не угодишь, хоть ты тресни!

* * *

Когда все уже направлялись на занятия, в Зал Двух Стихий вбежал Сарданапал. Его развязавшиеся усы – правый зеленый и левый желтый – задиристо щелкали по стеклам очков.

– Скорее! Все ученики остаются в Тибидохсе, а преподаватели со мной! Где Медузия? Где Тарарах? – крикнул он.

– Что случилось? – забеспокоилась Рита Шито-Крыто.

– Водяные и лешаки опять сражаются за руины! – машинально ответил Сарданапал, даже не заметив, что отвечает не тому, кому нужно. Риту Шито-Крыто вечно принимали за кого-нибудь другого. Такова уж была её магическая способность.

Вскоре все преподаватели умчались куда-то, в качестве тяжелой артиллерии захватив с собой Усыню, Горыню и Дубыню. Ученики, умирая от любопытства, бросились следом, но циклопу на воротах дан был строгий наказ никого не выпускать. Громыхая цепью, Пельменник перегородил решеткой подъемный мост и, поигрывая секирой, встал рядом с колесом.

Гуня Гломов, Демьян Горьянов, Семь-Пень-Дыр и Кузя Тузиков стали его дразнить, но циклоп только снисходительно посмеивался. Стремясь довести его до белого каления, шалуны не забывали следить, не начнет ли глаз циклопа вращаться в орбите или закатываться. Это означало, что нужно срочно уносить ноги – сглазы Пельменника не могла снять даже Зубодериха.

Баб-Ягун дернул Таню за руку.

– Я знаю, откуда мы сможем все увидеть! Пошли! Только тихо, чтобы всякие горьяновы не увязались! – зашептал он, незаметно пятясь.

– А что это за руины, о которых говорил Сарданапал? Откуда они вообще взялись? Тибидохс же отстроили! – спросила Таня.

Ягун с насмешкой посмотрел на нее.

– При чем тут Тибидохс? Можно подумать, на Буяне, кроме Тибидохса, ничего нет!

– Но где?

– Ну и надоела же ты мне со своими вопросами! Можно подумать, что твоя фамилия Зануддинова… Потом поймешь, бежим! – нетерпеливо мерцая ушами, перебил её Ягун.

Они обежали по внутреннему дворику Башню Привидений и оказались на тесной, заросшей боярышником площадке между глухой стеной и башней.

Вскарабкавшись на плечи Ваньке, обвинявшему его в намерении отдавить ему голову, Ягун скользнул в небольшую нишу и втянул за собой приятелей. Они оказались на узкой лестнице, покрытой красным ковром. Изредка ковер вздрагивал и вздувался пузырем – под ним буянил сонный полтергейст Михеич.

Где-то внизу, в подвалах, репетировал сводный хор привидений, исполнявший «Калинку-малинку». Хор звучал неплохо, но ему явно мешал козлиный дискант поручика Ржевского. Безбашенный призрак пел не только мимо нот, но и вообще, кажется, совсем другую песню.

– Эй, где вы там, сони? Тоже в хор решили записаться? – нетерпеливо крикнул Ягун, свешивая голову уже со следующей площадки.

Таня, озираясь, поднималась и никак не могла избавиться от чувства, что когда-то она уже была здесь. Это чувство только усилилось, когда на пути им попались два черных надгробия. Заметив приятелей, надгробия встрепенулись.

«Таня Гроттер. Наконец-то! Дядя Герман», – написало правое надгробие.

«Баб-Ягун и Ванька Валялкин. Браткам от скорбящего Гломова», – насмешливо запрыгали готические буквы на соседнем.

Не удержавшись, Таня запустила в надгробия дрыгусом и тотчас пожалела об этом.

«Таньке Валялкиной. От внуков и правнуков», – сердито высветило правое надгробие.

«Таньке Ягуновой, дурацкой сиротке. От лопухоидного домоуправления», – заспорило левое.

«Вот свинство! Напрасно я с ними связалась. Хорошо, что ни Ванька, ни Ягун ничего не заметили», – подумала Таня и поспешно юркнула вверх по лестнице. Вскоре они уже стояли на узком обзорном балкончике, выступающий козырек которого нависал точно над рвом.

Таня сообразила, что никогда раньше не бывала в той части острова Буяна и совсем её не знает. Окна её комнаты в Большой Башне выходили во внутренний двор и на игровые лужайки. Драконбольное поле "тоже было с другой стороны.

– А вон и руины… Куда смотришь-то?.. Правее… Во-он, куда Усыня с Горыней бегут! – махнул рукой Баб-Ягун.

Приглядевшись, Таня увидела, что ров переходит в заболотившееся, до безобразия заросшее колкой щетиной камыша русло речушки, а та, в свою очередь, смыкается с озером. На берегу, наполовину плескаясь в воде, наполовину догнивая на суше, раскинулись развалины, угрюмо таращившиеся

на Тибидохс слепыми провалами окон.

Теперь у развалин кипела самая настоящая битва. Прозрачные, упругие водяные, чем-то похожие на набитые тиной бурдюки, налетали на скрипучих, неповоротливых леших. На стороне водяных выступала и ударная бригада русалок, из которых больше всех буянила знаменитая избранница Поклепа. Она вопила, опрокидывала леших мощными ударами хвоста и забрасывала их тухлой рыбой, которую ей услужливо подносил какой-то позеленевший дряхлый рясочник.

– Никак развалины не поделят. Одна половина в воде – значит, водяных царство. А лешакам обидно, вторая-то половина к лесу примыкает. Года не проходит, чтобы они из-за этих развалин не сцепились, Потом помирятся, некоторое время в мире поживут и снова идут друг другу носы сворачивать. Нежить, одним словом, чего с неё возьмешь… – пояснил Ягун.

Преподаватели Тибидохса пытались разнять дерущихся, но результат пока выходил самый плачевный.

Медузия, вынужденная отступать, отстреливалась искрами от леших. Профессор Клопп уже висел головой вниз на ближайшем дереве и тоненьким голосом пищал угрозы:

– Ви не зналь, с кем связался! Я измельчиль вас в мелкий окрошка!.. Ай, я боюсь высота!

Академика Сарданапала, сбив с ног, уже щекотали две русалки, а третья тащила большущие садовые ножницы с явным намерением отстричь ему бороду. Зубодериха, пытавшаяся усмирить водяных, была посажена ими в лужу и теперь гневно там подпрыгивала, пытаясь состряпать ответный сглаз. Тарараха капитально припечатали по уху дубиной, а в следующую секунду он был буквально сметен градом сушеной воблы из катапульт водяных.

– А там весело! Преподы у нас прикольные! – одобрительно сказал Ванька.

– А ты думал! – гордо произнес Баб-Ягун. – Видела бы ты, как они в позапрошлом году с лешаками сражались! А водяные едва Клоппа на дно не утащили! Напихали ему полные штаны ряски.

– Слушай, Ягун, а что раньше было в этих развалинах? – спросила Таня, Баб-Ягун поморщился.

– Да ну… Развалины – они развалины и есть. Вообще, непонятно, за что тут воевать. Все равно же ни лешие, ни водяные здесь не живут. Даже не заходят никогда, так моя бабуся говорит.

– Как не заходят?

– Так и не заходят. Они и Тибидохсом-то брезгуют, вообще всем, что построено магами, а тут на тебе, как раскипятились! Одно слово – Буян-остров!

– А они как-нибудь это объясняют? Свою вражду? – поинтересовалась Таня, Ягун хмыкнул.

– Ага, держи карман шире! Чтобы нежить что-то магам объясняла, никогда такого не было. Они сами по себе, мы сами по себе, – категорично заявил Ягун.

Он потер пальцем вздернутый нос и задумчиво продолжал:

– Правда, про эти развалины всякие слухи ходят. Будто была здесь сторожка Древнира, которую он построил ещё до Тибидохса. А уж почему он эту сторожку потом забросил – ума не приложу. Да, видать, были причины… Нет, ты смотри, смотри, как эта нежить распалилась!

Битва за развалины была в самом разгаре. Несколько раз водяные оттесняли леших в чащу, но к тем прибывало подкрепление – и тогда уже они загоняли водяных в их озеро. Профессор Клопп больше не висел на дереве. Его возмущенно взбрыкивающие ноги торчали из какой-то норы.

Наконец Усыне, Горыне и Дубыне, на которых сыпался град сучьев и склизких от тины камней, порядком прискучило быть мальчиками для битья, Их богатырское терпение таяло стремительнее, чем мороженое на языке у мечтающего заболеть ангиной восьмиклассника.

– Наших… – крикнул Усыня.

– …бьют! – закончил Горыня.

Дубыня хотел добавить нечто столь же интеллектуальное, но не нашелся и, злобно выплюнув залетевшую ему в рот шишку, молча пошел махать кулаками.

Разбушевавшиеся богатыри-вышибалы переловили водяных и стали по одному закидывать их в озеро. Перешвыряв всех водяных, они принялись за леших и вскоре окончательно оттеснили их в лес.

Благоразумные русалки, видя, что битва близка к завершению, бросили ножницы и стали заботливо отчищать академика Сарданапала от водорослей и улиток. Дряхлый рясочник, сочувственно цокая языком, бережно извлекал из норы профессора Клоппа.

Из бурелома, огромный и сутулый, вышел лешак, опоздавший к началу сражения. Постоял, облокотившись на сосну, заскрипел и вновь скрылся в лесу.

– Всё, пошли делать уроки! Больше тут делать нечего. Самое интересное закончилось, – сказал Ягун.

* * *

С уроками Таня провозилась до вечера. На завтра надо было выучить дюжину заклинаний к снятию сглаза у Зубодерихи да ещё подготовиться к первому занятию у Поклеп Поклепыча, который начинал читать второму классу защиту от духов – предмет, которого не было в прошлом году. О защите от духов в школе ходили самые невероятные слухи. Утверждали, будто Поклеп, как бывший черный маг, не столько защищает от духов, сколько натравливает их на своих учеников.

Баб-Ягун, не раз доводивший своими проделками Поклепа до белого каления, заранее опасался завтрашнего занятия. Боясь быть застигнутым врасплох, он раздобыл кучу талисманов и теперь незаметно развешивал их под одеждой и прятал в рукавах.

– Только Поклеп на меня духов напустит, как я – раз! – достану одну надежную штучку. Он у меня попляшет! Ой, мамочка моя бабуся, что-то мне не по себе… –

бормотал Ягун.

Расправившись с уроками, Таня схватила футляр с контрабасом и бросилась на драконбольное поле. Она опасалась, что инструмент будет рыскать. Сумели ли домовые, ремонтируя инструмент, не нарушить первоначального замысла Феофила Гроттера?

Забравшись на контрабас, Таня произнесла: Торопыгус угорелус! Контрабас дрогнул, слегка приподнялся над полем, словно собираясь с духом, а потом стремительно рванул вперед. Таня, за недели, проведенные в магпункте, отвыкшая от такой скорости, едва сумела на нем усидеть.

После двух или трех кругов над полем Таня убедилась, что летные качества инструмента не ухудшились, разве что маневрирует он немного не так, как прежде. Раньше он слушался всякого, даже незначительного движения, теперь же малость притормаживал.

– Подкрути чуток колки, чтоб струны натянулись. Перемудрили, конечно, с полировкой, умники, ну да ничего, на скорость это не влияет, – ревниво проворчало кольцо.

Таня успокоилась. Если прадед находит, что ничего, значит, волноваться не о чем.

– А Веревка Семнадцати висельников не лопнула? – поспешила спросить Таня, однако дед Феофил не дал на этот вопрос определенного ответа.

Кольцо загадочно хмыкнуло, некстати выбросило пару искр и замолчало.

Подкрутив колки, Таня поднялась высоко над островом, где начинались постоянные воздушные течения. Одно из них направлялось на восток, а другое – в холодную Антарктику, населенную загадочными духами, о которых почти ничего не было известно и которых невозможно было назвать ни врагами магов, ни их друзьями.

Стараясь не попасть в эти течения, чтобы не быть унесенной, Таня, держась в погранничье, пролетела над побережьем. Длинные песчаные косы чередовались с

выветрившимися скалами. На одной из кос бородатый морской царь Нептун застенчиво мылил и стирал какое-то свое бельишко. Рядом на мелководье лежал его трезубец.

Тане в первую секунду захотелось пронестись у него над головой и слегка подразнить, но она раздумала. Связываться с Нептуном было опасно. Он запросто мог вызвать бурю. К тому же, по слухам, он был хорошим знакомым профессора Клоппа.

С океана порывами дул холодный ветер, долетали брызги, Таня развернула контрабас и направила его южнее Тибидохса – к лесу, занимавшему значительную часть острова, По какой-то не совсем понятной причине ходить в этот лес школьникам запрещалось. Правда, запрет распространялся лишь на пешие прогулки. На большинстве тропинок стояли особые сторожевые заклинания – это уже потрудились Поклеп и Зубодериха, редкие мастера магических каверз. Стоило набрести на одно из них, как немедленно на это место телепортировал сам Поклеп, и последствия бывали для нарушителей довольно неприятными. Самое меньшее, чем можно было отделаться, – все каникулы перемалывать в мясорубке дождевых червей, готовя фарш для грифонов и вынося насмешки вездесущих привидений.

«Странная выходит штукенция. Что они так привязались к этому лесу? Можно даже подумать, что преподы чего-то боятся. Заблудиться там нельзя – всегда можно послать сигнальную искру… Нет, тут дело явно в чем-то другом», – думала Таня.

Теперь, проносясь над лесом на контрабасе, Таня внимательно вглядывалась вниз. Чем дальше, тем непролазнее становился бурелом. Замшелые стволы вповалку громоздились на тропинках.

«Сарданапал мог бы послать циклопов, чтобы они тут все разгребли, но он этого почему-то не делает…»-решила Таня.

Держась над вершинами деревьев, она наискось пересекла лес и вновь оказалась на побережье – правда, с другой стороны острова, где мощные корни сосен отважно боролись с крошащимися скалами. Начинало смеркаться. Таня уже собралась поворачивать, когда неожиданно ей почудилось, что она видит зыбкий белый дымок.

Девочка догадалась, что, перепутав в темноте направление, вновь подлетела к Тибидохсу, но только с другой стороны. Что же до белого дымка, то он поднимался… от развалин. От тех самых необитаемых развалин сторожки Древнира, которые были теперь прямо под ней. Таня сменила скоростное заклинание на медленное – «Пилотус камикадзис» – и осторожно приблизилась, стараясь прятаться за кронами деревьев.

Дым валил из трубы, укоризненным кирпичным перстом торчавшей из провалившейся крыши. Первые два окна были до половины затоплены водой. На изумрудной ряске легкомысленно мельтешили жуки-плавунцы. Высокое каменное крыльцо-галерея, как в старинных суздальских постройках, уходило прямо в озеро и там внезапно обрывалось.

«Одно из двух: или у Древнира были странности и он обожал купаться в тине, или озеро затопило дом намного позже», – сказала сама себе Таня.

Луг все еще носил следы недавней битвы. То там, то здесь попадались рытвины от богатырских сапожищ. Поблескивала русалочья чешуя. Из глубокой борозды торчала дужка раздавленных очков Сарданапала. В стороне, рядом с клочком материи от плаща Медузии, валялась нелепая, со старушечьим бантом туфля Клоппа. Таня подняла её и обнаружила внутри туфли скрытый подъема который делал низенького профессора сантиметров на пять выше.

«Ну и Клоппик! Сплошное надувательство! Не удивлюсь, если у него окажется картуз с пружинками и тапочки на шпильках!» – решила она.

С другой стороны заброшенная сторожка выглядела ничуть не лучше. Таня подумала, что Избушка на Курьих Ножках покажется рядом с этими развалинами просто царскими хоромами. В пролом стены видна была большая печь.

Таня прошла было мимо, но внезапно оцепенела. В печи, обходясь без дров, мерно гудел синеватый магический огонь. У Тани мелькнула мысль, что его развели лешие или водяные, но потом она сообразила, что и те и другие ненавидят огонь да и вообще, по словам Ягуна, мало интересуются строениями магов.

Взвесив все «за» и «против», малютка Гроттер почувствовала, что внутрь её совсем не тянет. Даже напротив – тянет уйти подальше отсюда. К тому же она

случайно обнаружила, что один из кустов как-то странно мерцает и будто чуть расплывается. Кроме того, его листья не дрожали от ветра. Присмотревшись, Таня поняла, что на куст натянуто охранное черномагическое заклинание.

«Ага, Поклеп постарался! Вот уж вредитель-трудоголик!» – подумала Таня, благоразумно держась от куста подальше.

Вскочив на контрабас, она помчалась к Тибидохсу, решив, что обязательно попытается выяснить, почему тут горит огонь. Вот только как это узнать? Таня хорошо представляла, что случится, если она обратится с этим вопросом к самому завучу. Поклеп зыркнет на неё своими близко посаженными глазками, а в следующую минуту ей придется взять ведерко и бодрым строевым шагом, напевая песенку трудолюбивой нежити, отправиться собирать жуков-вонючек.

Нет уж, лучше осторожно выведать все у Сарданапала, Разумеется, если тот будет в хорошем настроении и поблизости не будет маячить противный сфинкс, живущий на дверях его кабинета и никого не пускающий внутрь без приглашения.

* * *

Поздним вечером, бережно протерев контрабас и натянув струны, Таня убрала инструмент в футляр. Она как раз задвигала его под кровать, когда сверху донесся смешок.

– А ну брысь отсюда, пустая башка! А то дрыгусом запущу! – пригрозила кому-то Гробыня.

Склепова давно уже валялась на кровати и перелистывала на ночь толстый журнал комиксов для темных магов. Ничего другого, кроме комиксов, Гробыня никогда не читала.

– Вот еще! Стану я забивать себе голову! – фыркала она.

Изредка Гробыня забавы ради встряхивала журнал. С его страниц сыпались желто-зеленые чертики и в панике вереща, торопились забраться обратно. Некоторым из них Склепова, хихикая, связывала хвосты и наслаждалась тем,

как, дергая друг друга в разные стороны, они падают и закатываются за кровать.

– Ну так что, свалишь ты или нет? – снова крикнула Гробыня.

Подняв голову, Таня увидела, что по потолку их комнаты прогуливается поручик Ржевский. На этот раз безбашенный призрак облачился в тюрбан и халат с кистями. Даже бороду себе зачем-то прицепил. Правда, красно-синий нос алкоголика все равно его выдавал.

– Полы покрашены – ходить только по стенам и потолкам! – хихикнул Ржевский.

– Я тебе похожу! – продолжала громыхать Гробыня. – Считаю до трех! Раз…

– Пундус храпундус – быстро крикнул поручик. Что-то сверкнуло. Таня увидела, что призрак невероятным образом удерживает в руках старинный перстень с печаткой.

Гробыня тут же рухнула носом в подушку. Чертики из комиксов немедленно принялись злорадно бегать по её одежде.

– Ты что, спятил? Зачем ты её усыпил? – удивилась Таня.

– Бывают типчики, которым по жизни не мешает проспаться! – хмыкнул Ржевский. – А теперь тихо! Не произноси никаких имен! Я тут инкогнито! Если Безглазый Ужас узнает, что я тут был, то все – секир-башка! У меня и так – хе-хе! – в спине двенадцать ножей и один кинжальчик! Еще девятка – и будет перебор, как говорил мой друг корнет Свинцов.

– Почему? С каких это пор тебе нельзя бродить везде, где тебе вздумается? – поинтересовалась Таня.

– Бродить я могу где угодно, хоть днем, хоть ночью. Просто хочу, чтоб никто не узнал, что я у тебя был. Уверен, Гробыня никому не разболтает. После Пундуса храпундуса редко удается вспомнить обстоятельства, при которых ты отрубился… – заржал поручик и обрушился с потолка на пол.

Врезавшись в коврик, он утратил форму, зарябил, но быстро восстановился. Разве только борода утратилась и голова немного сплюснулась, что, впрочем, мало сказалось на её мыслительных способностях.

– Брр! Ходы какие-то для нежити! Терпеть ненавижу сырость! Вроде как свою могилу навещаешь… Гадко там, а я личность сложная и деликатная! – поежился поручик, протекая между Черными Шторами.

Шторы хищно зашевелились, но, разобрав, с кем имеют дело, сразу опали, К призракам они относились равнодушно. Привидений нельзя напутать, опутав их с головой. Кроме того, у них нельзя подглядеть сны, которые потом, летая, можно показывать всему Тибидохсу.

Таня наклонилась и подняла перстень, выпавший у поручика, когда он любознательно протаранил макушкой пол.

– Где ты его раздобыл? – поинтересовалась она.

– А-а, этот! У Гуго Хитрого одолжил… Гуго-то можно доверять, В конце концов, он тоже призрак, хотя и предпочитает жить в своей книжке и никуда из неё не высовываться, – сообщил Ржевский.

– С чего это Гуго дал тебе перстень? Он же жадный, – усомнилась Таня.

Она отлично помнила неунывающего жуликоватого автора «Проделок белых магов», с которым они пробирались ночью на Исчезающий Этаж.

Поручик Ржевский деликатно потупился. Он был сама скромность.

– Э-ээ… Видишь ли, в чем тут дело… Гуго нечаянно потерял свой напудренный парик и очень переживал. Даже назначил награду тому, кто его найдет…

– И тут, конечно, появился ты? – спросила Таня, Ржевский залоснился от удовольствия.

– Спереть паричок было совсем не так просто, как ты думаешь. Мне пришлось немало потрудиться! – похвастал он, – И, как считаешь, зачем я это все затеял?

Мне ужасно хотелось разболтать тебе одну тайну.

– Какую ещё тайну?

– Страшную, роковую тайну! Тайну, рядом с которой Исчезающий Этаж и даже Жуткие Ворота – так, пустячок… Что, интересно?

Для большей загадочности поручик округлил глаза. Впрочем, «округлил» мягко сказано. Никто не просил его глаза вылезать из орбит и надуваться шарами. У привидений свое представление о юморе.

Таня выжидала. Она не слишком верила в существование роковой тайны. Поручик Ржевский вполне! мог соврать и дорого за это не взять. Правда, порой ему удавалось разнюхать что-то действительно стоящее.

Ржевский подозрительно прислушался. Затем, продолжая стоять у окна, вытянул шею на пару метров – такой телескопической шее-удочке позавидовал бы любой жираф – и горячо зашептал Тане на ухо:

– Представляешь, эти олухи считают, что больше никто не знает про каморку Древнира и про шкатулку. Но я-то был рядом! Я все видел! Поклеп даже запустил в меня дрыгусом, а потом наложил заклятие немоты! Но я помчался к Гуго, и тот нашел способ снять заклятие. А заодно одолжил перстень! Правда, на это он расщедрился после того, как у него потерялся паричок…

Призрак пристально уставился на Таню, проверяя, насколько ему удалось её заинтриговать. Таня заставила себя зевнуть. Она знала, что стоит ей проявить любопытство, как вредный Ржевский начнет, дразня её, цедить новости по каплям.

– Помнишь ту ужасную грозу? Молнии все время били в Большую Башню? – обиженно продолжал призрак, так и не дождавшись никакого вопроса. – Под утро Поклеп, Медузия и Сарданапал решили проверить, почему она бьет именно в это место и ни в какое другое. Они взяли факелы и поднялись по лестнице на чердак. Они надеялись, что их никто не заметит, но я случайно оказался рядом…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-zolotaya-piyavka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити